

Тартуский Университет
Философский факультет
Институт Германской, романской и славянской филологии
Центр перевода

Катарина Зингерман

**Специфика работы судебных переводчиков Эстонии.
Амбивалентность содержания и стратегии переводчиков**

Магистерская работа

Научный руководитель:
Катрин Кару, PhD

Тарту

2012

Слова благодарности

Проведение данного исследования стало возможным благодаря многим людям.

От всей души хочу поблагодарить моего научного руководителя Катрин Кару за неоценимую помощь в написании работы, за её детальные комментарии и моральную поддержку.

Приношу огромную благодарность помощнику прокурора Жанне Морозовой за помощь и содействие в проведении данного исследования, и за её живой интерес к теме работы.

Выражаю свою искреннюю благодарность всем переводчикам, принявшим участие в исследовании, которые, несмотря на свою занятость, нашли время для проведения интервью.

Искренне благодарю свою дорогую подругу Татьяну Касьян-Мишук за помощь в оформлении работы, за её внимание, моральную поддержку и за её готовность всегда прийти мне на помощь.

Хочется выразить особую благодарность моему другу Аарону Коньину за его неоценимую помощь, ценные советы и за участие в моей работе, а также моему другу и юристу Рубену Тайтлеру за его комментарии и советы в процессе подготовки к эмпирической части исследования.

Приношу искренние слова благодарности господину Питеру Коньину за его помощь в формулировке названия на английском языке и ценные советы.

Также хотелось бы сказать отдельное

спасибо госпоже Кэри Кноопс за её искренний интерес к моей работе, а главное за моральную поддержку.

Мои самые тёплые слова благодарности приношу своим любимым родителям, Инне и Геннадию Зингерман, своим любимым бабушке и дедушке, Светлане и Юрию Корниловым, а также моим любимым сестре Ирине и брату Давиду, которые всегда помогали и болели за меня. Спасибо вам за поддержку, любовь и терпение!

I would like to express my special gratitude to my friend and soulmate Aaron Konijn for his priceless help, valuable suggestions, for sincere interest in my research and for being my valuable source of both encouragement and inspiration. I would also like to thank my friend and lawyer Ruben Teitler for his valuable comments and advice about empirical research.

I would also like to express my sincere gratitude to Mr. Peter Konijn for his help with title formulation and valuable advice.

My special gratitude also belongs to Mrs. Carry Knoops for her sincere interest in my work and emotional support.

Оглавление

1. Введение	6
1.1 <i>Цель исследования</i>	9
1.2 <i>Методы исследования</i>	10
1.3 <i>Актуальность темы</i>	11
1.4 <i>Структура работы</i>	12
2. Теория социального перевода	14
2.1 <i>Проблемы терминологии</i>	14
2.2 <i>Понятие социального перевода</i>	16
2.3 <i>Судебный перевод</i>	21
2.4 <i>Правовые акты, регулирующие работу судебных переводчиков в Эстонии</i> ...23	
2.5 <i>Роли судебного переводчика: «Невидимый» языковой посредник или активный участник коммуникации?</i>	24
3. Методология	32
3.1 <i>Метод сбора информации</i>	32
3.2 <i>Квалитативное (качественное) интервью</i>	32
3.3 <i>Наблюдение</i>	35
3.4 <i>Контроль качества исследования</i>	36
3.4.1 <i>Внутренняя валидность</i>	39
3.4.2 <i>Внешняя валидность</i>	40
4. Результаты исследования	42
4.1 <i>Краткое описание</i>	42
4.2 <i>Выборка</i>	42
4.3 <i>Результаты интервью</i>	45
4.3.1 <i>Обязанности судебного переводчика</i>	45
4.3.2 <i>Права судебного переводчика</i>	47

4.3.3 Организация судебного заседания.....	49
4.3.4 Условия труда переводчиков в судах разных инстанций.....	50
4.3.5 Точность перевода. Выбор между дословным переводом и переводом по смыслу.....	52
4.3.6 Перевод от 1-ого или от 3-его лица?.....	54
4.3.7 Точность перевода. Редактирование текста оригинала.....	55
4.3.8 Ошибки переводчика.....	56
4.3.9 Роль переводчика во время судебного заседания.....	57
4.3.10 Особенности профессии судебного переводчика.....	60
4.3.11 Рекомендации по обучению судебных переводчиков.....	61
4.4 Результаты наблюдений в суде.....	63
4.5 Анализ результатов.....	65
4.5.1 Права и обязанности судебного переводчика.....	66
4.5.2 Роль судебного переводчика.....	68
4.5.3 Обучение судебных переводчиков.....	70
5. Выводы и обсуждение.....	71
5.1 Общие выводы.....	71
5.2 Рекомендации для дальнейших исследований.....	72
5.3 Резюме.....	73
Литература.....	76
Приложения.....	83
Приложение 1: Вопросы интервью.....	83
Приложение 2: Должностная инструкция переводчика Таллиннского окружного суда (Tallinna ringkonnakohtu tõlgi ametijuhend).....	85
КОККУVÕТЕ.....	88

1. Введение

Практика социального перевода существует с конца 1960-х годов. Однако термин *социальный перевод* нельзя считать общепринятым и устоявшимся. В данной работе под социальным переводом мы будем понимать вид перевода, который в англоязычной литературе принято называть *community interpreting*.

Социальный перевод дает возможность людям, не владеющим официальным(и) языком / языками государства, общаться с представителями государственных служб и получать полный и равный доступ к правовым, медицинским, образовательным, социальным и государственным услугам при помощи переводчика (Carr et al. 1997; перевод цит. по Кару 2011).

Данное определение социального перевода было принято на первой международной конференции, посвящённой социальному переводу в Канаде, проходившей в 1995 году.

Несмотря на то, что социальный перевод зародился во второй половине прошлого столетия, активное его изучение ведётся недолго. За последние пятнадцать лет исследователями была проделана огромная работа, однако из-за сложной природы этого явления остаётся ещё много нерешённых проблем, к числу которых относится и вопрос о «профессионализации» социальных переводчиков (см. об этом, например, Mikkelsen 2004, Roberts 1994).

В настоящее время в связи с растущими миграционными процессами и глобализацией мирового сообщества расширяется национальный состав современных государств, большинство из которых признают и соблюдают основные права человека, в том числе и равный доступ к социальным услугам в

обществе – образованию, здравоохранению и юридической защите, независимо от легального статуса и/или владения официальным государственным языком.

Соответственно, повышается спрос и необходимость в социальном переводе (Сметанина-Болдвин 2008, 38). Как следствие, встаёт вопрос о качестве предоставляемых переводческих услуг, который остаётся проблемой для многих стран, в особенности для тех, где иммиграция и приток иностранцев является относительно недавним феноменом. Сегодня необходимость в специально подготовленных социальных переводчиках высока во всём мире. Объём услуг по социальному переводу в различных странах тесно связан, во-первых, с его востребованностью и, во-вторых, с наличием или отсутствием «законов, гарантирующих языковой доступ» (*language access laws*) к социальным услугам (Сметанина-Болдвин 2008, 38).

Ещё одной нерешённой проблемой в сфере социального перевода является отсутствие единого мнения по поводу включения этого вида перевода в общую классификацию, что также является препятствием на пути к профессионализации.

Некоторые авторы (Gentile 1993, 1997, Mikkelsen 1996, 2000, Fenton 2001) считают термин *community interpreting* (*социальный перевод*) обозначающим общее понятие, которое включает в себя судебный и медицинский перевод, тогда как другие (в основном судебные переводчики) считают судебный перевод отдельным видом перевода, отличным от социального (Garber 1998).

Мы придерживаемся точки зрения, что социальный перевод является общим понятием, включающим в себя медицинский и судебный перевод, иными словами судебный и медицинский перевод – подвиды социального перевода.

Определения и стандарты социального перевода значительно различаются в разных странах мира и зависят от правовой системы и преобладающего

отношения к иммигрантам и национальным меньшинствам. Вместе с тем существует общий взгляд относительно цели предоставления услуг социального, в частности, судебного переводчика. Типичная роль судебного переводчика описана в Кодексе профессиональной ответственности для судебных переводчиков национального центра государственных судов в Соединённых Штатах Америки (The Model Code of Professional Responsibility for Interpreters in the Judiciary of the National Center for State Courts in the United States). В числе прочего в Кодексе сказано:

*Многие лица, предстающие перед судом, частично или полностью изолированы от полноценного участия в судебном разбирательстве вследствие ограниченного владения английским языком или нарушений речи или слуха. Существенным является снижение коммуникационного барьера для того, чтобы эти лица находились в равноправной позиции с теми лицами, для которых подобный барьер отсутствует. В качестве должностных лиц суда переводчики обязаны обеспечить лицам, не владеющим официальным языком государства, полный и равный доступ к правовым услугам, а также следить за тем, чтобы работа суда и его вспомогательных служб велась эффективно и квалифицированно. Переводчики являются высококвалифицированными профессионалами, выполняющими существенную роль в вершении правосудия (Hewitt 1995, 199).*¹

Однако, несмотря на то, что задачей судебного переводчика является обеспечение понимания подсудимым судебного процесса, данный факт не является универсально признаваемым (Mikkelson 1998). То есть, нет единогласия в отношении функций судебного переводчика (см. об этом, например, Reddy 1979; Goffman 1981; Berk-Seligson 1990; Giovannini 1992; Morris 1993; Wadensjö 1998).

¹ Здесь и далее перевод автора.

Х. Миккельсон обращает внимание на то, что судебные переводчики сталкиваются с дилеммой даже тогда, когда от них не ожидают обеспечения понимания подсудимым судебного процесса. В своей повседневной работе судебные переводчики постоянно сталкиваются с проблемой выбора своей роли, выбирая между дословным и вольным переводом, последний зачастую искажает смысл и, как следствие, может повлиять на исход судебных решений (Mikkelson 2008, 83).

1.1 Цель исследования

Отсутствие единого понимания роли судебного переводчика в мировой практике является отправной точкой данного исследования, целью которого является выяснить, какими принципами руководствуются судебные переводчики Эстонии в своей работе.

Прежде всего, следует отметить, что услуги социального перевода в Эстонии регулярно предоставляются лишь в правовой сфере. Так, в частности, в судах и в Департаменте полиции и погранохраны Эстонии работают штатные переводчики, в число обязанностей которых входит обеспечение как устного, так и письменного перевода для лиц в нем нуждающихся (Кару 2011, 116). Помимо этого, работа переводчиков правовой сферы, в частности работа судебных переводчиков, регулируется рядом законов.

Работа штатных судебных переводчиков регулируется должностной инструкцией. Однако следует отметить, что должностная инструкция судебного переводчика мало чем отличается от должностной инструкции любого другого работника общественного сектора². Из непосредственных служебных обязанностей переводчика в должностной инструкции оговаривается лишь то, что переводчик обязан переводить устно на судебных заседаниях, а также выполнять письменные переводы судебных решений и прочих судебных документов с эстонского языка

² см., например, <http://www.avalikteenistus.ee/index.php?id=10513> (12.05.2012).

на русский и с русского на эстонский. Действия и права переводчика в той или иной переводческой ситуации в должностной инструкции не оговариваются.

Целью данного исследования является выяснить, какими нормами и правилами руководствуются судебные переводчики Эстонии и какой роли они придерживаются в своей повседневной работе. Стараются ли они оставаться «невидимыми» и «ненавязчивыми» или же они выбирают роль «активных защитников» переводческого процесса.³ Какие стратегии выбирают судебные переводчики Эстонии в условиях необходимости качественно выполнять свои обязанности и отсутствия чёткого руководства к действию.

1.2 Методы исследования

Для проведения данного исследования нами были выбраны качественные методы исследования – метод глубинного полуструктурированного интервью и метод наблюдения.

Нашими респондентами были судебные переводчики Харьюского уездного суда, Таллиннского окружного суда, а также штатные переводчики прокуратуры Северного округа Эстонии. Для аргументации выбора респондентов необходимо представить краткий обзор судебной системы Эстонии.

Судебная система Эстонии состоит из четырёх уездных судов, расположенных в Харьюском, Вирусском, Пярнуском и Тартуском уездах, двух административных судов, расположенных в Таллинне и Тарту, двух окружных судов, расположенных в Таллинне и Тарту, и государственного суда. Уездные и административные суды являются судами первой инстанции. Окружные суды являются судами второй инстанции. Государственный суд, находящийся в Тарту, является высшей судебной инстанцией государства, рассматривающей судебные решения в кассационном порядке, и одновременно - судом конституционного надзора.

³ *advocates for the interpreting process* (Mikkelson 2008, 87).

Поскольку специфика работы судов первой и второй инстанции различается, то мы посчитали целесообразным получить мнение переводчиков, работающих как в Харьюском уездном, так и в Таллиннском окружном суде. Также мы учитывали и то обстоятельство, что штат переводчиков каждого из судов немногочислен. В ходе исследования выяснилось, что переводчиков прокуратуры также иногда вызывают в суд переводить на судебных заседаниях, поэтому мы также интервьюировали переводчиков прокуратуры Северного округа Эстонии.

В рамках исследования автор работы также присутствовали на четырёх судебных заседаниях в Харьюском уездном суде (Лийвалайаский дом суда) и Таллиннском окружном суде.

1.3 Актуальность темы

Тема судебного перевода представляет интерес для исследования во всём мире. В 2009 году была основана Европейская ассоциация судебных устных и письменных переводчиков (EULITA). 7 октября 2010 года вступила в силу Директива Европейского Парламента и Совета Евросоюза относительно расширения прав подозреваемых и обвиняемых на получение услуг по устному и письменному переводу в судах и во время расследований⁴ (Official Journal of the European Union, 2010). Целью директивы является более последовательное применение прав и гарантий, закрепленных в Статье 6 Европейской конвенции по Правам человека, а также обеспечение дальнейшего развития по минимальным стандартам ЕС, оговоренным в этой Конвенции и в Хартии ЕС по основным правам. Директива основана на инициативе 13 стран-участниц (Бельгия, Германия, Эстония, Испания, Франция, Италия, Люксембург, Венгрия, Австрия, Португалия, Румыния, Финляндия и Швеция). Эта директива расширяет права подозреваемых и обвиняемых, а также содержит указания по качеству устного и письменного перевода и по подготовке судей, прокуроров и судебного персонала.

⁴ *Directive on the Rights to Interpretation and Translation in Criminal Proceedings*
<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:069:FULL:EN:PDF>
(07.05.2012).

В свете вышеупомянутой директивы, одной из стран-инициаторов которой является Эстония, настоящее исследование приобретает дополнительную ценность, так как одной из его целей является выяснить, каким образом достигается качество перевода в судах Эстонии.

Хотя судебный перевод в качестве подвида социального перевода активно изучается в разных странах мира, в Эстонии исследований на тему проведено немного. В конце 2010 года Катрин Кару было проведено исследование в Департаменте полиции и погранохраны Эстонии, в ходе которого был проведён опрос переводчиков и полицейских, работающих с переводчиком. Анализ результатов исследования показывает необходимость повышения информированности, в первую очередь, полицейских, а также и самих переводчиков о специфике социального перевода, ведущей к его успешности (Кару 2011, 120, Кару 2012). Представленное в магистерской работе исследование продолжает исследование социального перевода в Эстонии. Оно может быть полезным как для самих судебных переводчиков, так и для правовой системы в целом, так как даёт возможность лучше понять специфику работы судебных переводчиков, а также выявить и охарактеризовать существующие проблемы, что в свою очередь даст возможность повысить эффективность судебного процесса.

1.4 Структура работы

В первой главе изложены цели и методы исследования.

Вторая глава посвящена рассмотрению некоторых проблем социального, и в частности, судебного перевода. В теоретической главе особое внимание уделяется пяти основным подтемам исследования:

1. Проблемы терминологии;
2. Понятие социального перевода;
3. Понятие судебного перевода;
4. Правовые акты, регулирующие работу судебных переводчиков в Эстонии;
5. Роли социального переводчика: «Невидимый» языковой посредник или активный участник коммуникации?

В третьей главе описывается методология и обосновываются выбранные методы исследования. В четвёртой главе описываются результаты исследования. Последняя глава посвящена анализу эмпирической части.

2. Теория социального перевода

2.1 Проблемы терминологии

Поскольку термин *community interpreting* не имеет устоявшегося и общепринятого эквивалента в русском языке, следует коротко остановиться на проблеме терминологии.

В английском языке термин *community interpreting* также имеет множество вариаций: *liaison*, *ad hoc*, *three-cornered*, *dialogue*, *contact*, *public service*, *cultural interpreting*. Не существует и общего мнения по поводу того, являются ли эти термины синонимами (Gentile et al 1996; Carr et al 1997; Wadensjö 2009).

Некоторые авторы предлагают отказаться от термина *community interpreting*. Например, А. Жентиль считает термин *community interpreting* неопределённым и отдаёт предпочтение термину *liason interpreting* (линейный перевод)⁵, потому что последний лучше описывает процесс. Более того, он утверждает, что дальнейшее использование «ярлыка» *социальный перевод* негативным образом скажется на профессии, закрепив за ним «репутацию золушки», которая с ним ассоциируется (Gentile 1997, 117).

С. Калина, преподаватель Гейдельбергского института устных переводчиков, предлагает заменить термин *community interpreting* (социальный перевод) термином *intercultural interpreting* (межкультурный перевод). Таким образом, она предлагает заменить идею «социума» определением, которое указывает на профессиональную специализацию переводчика (Kalina 2002, 51).

⁵ В русском языке в качестве соответствия термину *liason interpreting* Е. В. Аликина предлагает использовать термин *линейный перевод*.

Как было заявлено в начале работы для обозначения термина *community interpreting* будет использоваться русскоязычный термин *социальный перевод*.

В трудах по переводоведению на русском языке проблемы социального перевода до сих пор затрагивались лишь спорадически. Свидетельством сравнительной новизны темы является, в частности, отсутствие чёткого и общепринятого терминологического соответствия английскому *community interpreting* (см. об этом в Романчик 2011).

Также следует указать и на отсутствие международного термина: иноязычные термины очень неодинаково по внешней и внутренней форме коррелируют с *community interpreting*. Это касается в том числе и языков государств с богатой социальной практикой указанного вида перевода (Романчик 2011, 208).

В качестве соответствия англоязычному термину *community interpreting* в русском языке разными авторами предлагались разные варианты: *коммунальный, двусторонний, культурологический, диалоговый, контактный, общественный, специальный* перевод (Аликина 2011, 60). Термин *коммунальный перевод* встречается в ряде учебных пособий, в том числе и таких авторитетных авторов, как И. С. Алексеева (Алексеева 2010, 13–26) и О. А. Тимакина (Тимакина 2007, 28).

О. А. Тимакина пишет: «под этим еще не окончательно устоявшимся названием скрывается одно из самых современных направлений в развитии деятельности устного переводчика: перевод в медицинских и административных учреждениях» (там же, 28). «Миссия коммунального переводчика заключается в том, чтобы облегчить иностранному гражданину контакт с властями» (там же, 38).

Термин *социальный перевод* использует Ю. В. Сметанина-Болдвин с примечанием «перевод автором термина *community interpreting*». Ю. В. Сметанина-Болдвин

определяет социальный перевод как «институционный перевод, выполняющийся в условиях здравоохранительных, образовательных или правоохранительных учреждений, а также других социальных институтов». Другими словами, это перевод в поликлиниках, больницах, судах и отделениях полиции, школах, пенсионных фондах, на биржах по трудоустройству и т.д. (Сметанина-Болдвин 2008, 38).

Мы придерживаемся мнения Сметаниной-Болдвин и считаем, что термин *социальный перевод* в качестве эквивалента *community interpreting* наиболее ясно отражает специфику этого вида перевода.

Для обозначения термина *court interpreting* в работе используется русскоязычный эквивалент *судебный перевод*, который, по-видимому, можно считать общепринятым и не вызывающим разночтений.

2.2 Понятие социального перевода

Социальный перевод начал формироваться в конце 1960-ых годов в Австралии и Швеции. В 1960-е и 1970-е годы в результате масштабных вербовочных кампаний, проводимых шведскими компаниями в странах южной Европы, на Балканах и в Турции, в Швецию прибыло огромное количество иностранной рабочей силы. С целью защиты прав иностранных рабочих, а также с целью обеспечения безопасности на рабочих местах, шведские профсоюзы добивались обязательного предоставления услуг перевода на рабочих местах. Первые курсы перевода в Швеции были направлены на обучение переводу на рабочем месте, а студентами были работники, назначенные профсоюзом в качестве переводчиков на рабочем месте (*workplace interpreters*) (Niska 2004, 301). Таким образом, курсы подготовки социальных переводчиков в Швеции существуют с 1968 года.

Ещё одной страной, способствовавшей развитию социального перевода, была Австралия. После Второй Мировой войны из-за наплыва иммигрантов, правительство Австралии приняло политику мультилингвизма, чтобы принять «новых австралийцев». До 1973 года услуги социального перевода

предоставлялись *ad hoc*. Позднее появились услуги дистанционного (*remote interpreting*) или телефонного перевода (*telephone interpreting*), и постепенно возникла необходимость обучения переводчиков. По мере того, как потребность в переводческих услугах росла, это явление распространилось и за пределами Австралии (Delisle 1995).

В середине 1970-ых годов был создан первый этический кодекс социальных переводчиков - *God tolksed*⁶, документ, представляющий собой свод правил, которыми социальный переводчик обязан руководствоваться в своей работе. В 1969 году в Швеции была создана первая профессиональная организация устных переводчиков, Шведская национальная ассоциация переводчиков языка жестов (*The Swedish National Association of Sign Language Interpreters*).⁷ В 1975 году была создана первая организация социальных переводчиков, Шведская ассоциация устных переводчиков (*The Swedish Association of Interpreters*)⁸ (там же, 301).

В 1978 в США была основана Национальная ассоциация переводчиков правовой сферы (*National Association of Judicial Interpreters, NAJIT*)⁹. Профессиональному развитию сферы судебного перевода способствовал закон о судебных переводчиках, принятый в 1978 году в США. Согласно этому закону судебные переводчики должны были получать специальное образование. Начиная с 1970-х годов потребность в социальном переводе стремительно росла, и, как следствие, появилась необходимость в обучении и аккредитации переводчиков (Angelelli 2004, 12).

В 1995 году в Канаде прошла первая международная конференция, посвящённая социальному переводу, на которой в числе прочего было принято определение этого вида переводческой деятельности (Carr et al. 1997).

⁶ http://www.kammarkollegiet.se/files/tolkar_oversattare/god_tolksed.pdf (15.05.2012)

⁷ *Sveriges Teckenspråkstolkars Förening* (STTF)

⁸ *Sveriges Tolkförbund* (STOF)

⁹ www.najit.org

В 1997 году в Австралии был создан Национальный уполномоченный орган по аккредитации письменных и устных переводчиков (NAATI)¹⁰, целью которого является поддержание высоких стандартов в сфере письменного и устного перевода.

Однако по сей день социальный перевод часто относят к маргинальным видам перевода, статус которого не всегда определен и признаваем (Аликина 2011, 60). Вместе с тем многие исследователи (Merlini, Favaron 2003, Mikkelson 1996) подчеркивают, что речь идет о профессиональной деятельности, имеющей широкое распространение.

Социальный перевод отличается от других видов перевода, таких как конференц-перевод или перевод-сопровождение (*escort interpreting*)¹¹, тем, что услуги перевода предоставляются резидентам страны, а не делегатам конференций, дипломатам или профессионалам, находящимся в заграничном командировке (Mikkelson 2004, 1). Роль социального переводчика очень сильно отличается от роли и обязанностей коммерческого или переводчика-синхрониста на конференциях. Целью социального переводчика является обеспечить успешную коммуникацию между клиентом и заказчиком, людьми очень разного происхождения и мироощущения, находящимся в неравном положении по власти и знаниям (Shackman 1984).

Другие отличительные особенности, которые позволяют разграничить понятия социального и конференц-перевода определены Р. Робертс: 1) первичной задачей социальных переводчиков является обеспечение доступа к государственным

¹⁰ *National Accreditation Authority for Translators and Interpreters Ltd (NAATI)*

¹¹ *Escort interpreting* (перевод-сопровождение или перевод переговоров) применяется в ситуациях небольших деловых собраний и неформальных встреч с ограниченным числом участников. В отличие от социального перевода перевод переговоров предполагает, что переводчик работает с коммуникантами, находящимися в равных партнерских отношениях (Pöschker 2001).

Ситуации, в которых используется перевод-сопровождение (*escort interpreting*) могут варьироваться от формальных встреч до посещения заводов и предприятий и коктейль-приёмов (Gonzalez, et al, 1991: 28).

службам, и поэтому они с большей вероятностью будут работать при общественных институтах; 2) они больше подходят для перевода коммуникативных событий диалогического типа, чем речей; 3) они переводят с одного рабочего языка на другой или с нескольких рабочих языков на несколько других; 4) присутствие социального переводчика при процессе коммуникации намного более заметно, чем присутствие конференц-переводчика; 5) в отличие от конференц-перевода и перевода-сопровождения, где используются языки международной дипломатической практики и торговли, в социальном переводе используется большое количество языков, многие из которых являются языками этнических меньшинств и не являются официальными языками ни в одной стране; 6) социальных переводчиков часто воспринимают как адвокатов или «культурных посредников», которые выходят за рамки традиционной нейтральной роли переводчика (Roberts 1994, 127-138).

Переводчик, работающий в социальной сфере - активный участник коммуникации, «он не просто переводит высказывания, но управляет ситуацией вербального взаимодействия» (Merlini, Favaron 2003, 220).

Комплексность роли социального переводчика в суде или полиции и проблемы коммуникации, связанные с присутствием и действиями переводчика привели разных исследователей к противоречивым мнениям по этому поводу (Jiang 2007). Некоторые авторы склонны придерживаться точки зрения, что социальный переводчик дословно воспроизводит сказанное с одного языка на другой, сохраняя при этом нейтральность и оставаясь «невидимым» (см. об этом, например, Reddy 1979; Goffman 1981; Berk-Seligson 1990). С другой стороны, социальный переводчик видится как активный участник коммуникации, межкультурный посредник, который берёт на себя функцию «адвокатирования» (*advocacy*) (Giovannini 1992; Morris 1993; Wadensjö 1998) или занимается «примирением» (*conciliation*) сторон (Merlini, Favaron 2003, 212).

Р. Робертс описывает пять вариантов поведения социального переводчика:

- 1) активное участие: переводчик выступает в качестве третьего участника коммуникации и может оказывать влияние на ее результат и условия;
- 2) оказание услуги: переводчик выполняет роль «помощника»;

- 3) проведение культурологических переговоров: переводчик объясняет и смягчает межкультурные различия;
 - 4) поддержка: переводчик защищает слабого и избегает неравенства;
 - 5) примирение: переводчик делает все для того, чтобы стороны пришли к согласию
- (Roberts 1994, 127-138).

Не так давно в научной литературе по социальному переводу можно было встретить мнение, что социальные переводчики – непрофессионалы (Gonzalez et al 1991, 29), но в наши дни профессия социального переводчика получает всё большее признание.

Р. Робертс указывает на то, что некоторые авторы, в том числе Х. Миккельсон (Mikkelson 1996, 2000), А. Жентиль (Gentile 1997), С. Фентон (Fenton 2001) и М. Е. Трэбинг (Trabing 2003) предлагают иерархическую классификацию перевода, в которой социальный перевод является общей категорией, включающей медицинский и судебный перевод (Roberts 1997, 9). М. Е. Трэбинг также отмечает, что для каждого вида социального перевода существует отдельный этический кодекс. Однако Р. Робертс также отмечает, что консенсус по поводу такой классификации не достигнут, и существует много видов перевода, которые не так легко поддаются иерархической классификации (там же, 9).

Согласно некоторым источникам социальный перевод по определению выполняется в форме последовательного перевода (Gentile 1997), но в действительности, если условия это позволяют, социальный перевод может выполняться и синхронно (Gentile et al 1996).

Государства можно разделить в зависимости от предоставления или непредоставления в них услуг социального перевода. С этой точки зрения можно выделить страны, отрицающие существование социального перевода и проблем, связанных с этой областью, страны, предоставляющие услуги перевода *ad hoc*, ограничивающиеся общей языковой политикой, и страны, в которых существует налаженная система подготовки и аккредитации социальных переводчиков (Ozolins 2000, 21, цит. по Кару 2011). Так, наиболее развит социальный перевод в

Швеции, где существует система аккредитации социальных переводчиков, в Австралии, Нидерландах, Канаде, Великобритании, США и Ирландии.

2.3 Судебный перевод

В последнее время появляется всё больше литературы на тему судебного перевода, в которой поднимаются несколько главных проблем. Прежде всего, это проблема определений и классификаций. Отношение судебного перевода к социальному переводу и другим формам языкового посредничества затрагивается практически каждым автором, занимающимся вопросом классификации видов перевода (см. об этом, например, Roberts 1997; Rudvin 2003; Pöchaker 2004). С. Хейл указывает на то, что большинство исследований в области перевода затрагивают судебную тематику или нелингвистические аспекты переводческой практики, прибегая к методам социологии (Hale 2006, 205).

Другой актуальной темой является доступ к правосудию и важность равноправного положения зависимого от услуг переводчика лица с лицами, для которых подобная зависимость отсутствует. То есть признание потенциального нарушения прав человека в случае неадекватного перевода, а также необходимость правовых систем разных стран реагировать на демографические изменения наряду с повышением общественной осведомлённости об этических, политических и правовых последствиях в случае непредоставления подобной услуги или несоблюдения адекватных норм (см. об этом, например, Morris 1993, 1999; Brennan 1999; Nakkala 2003; Hale 2004). Перечисленные темы связаны также с вопросами качества перевода, необходимостью контроля работы переводчика и профессионализации профессии.

Р. Робертс (Roberts 1997, 20) и А. Жентиль (Gentile et al 1996, 32, 38) подчёркивают, что противоречивое понимание роли судебного переводчика как самими переводчиками, так и представителями юридической профессии и лицами, зависимыми от услуг переводчика, является одним из главных препятствий на пути к профессионализации.

Вопрос о качестве перевода в суде является одной из важнейших тем соответствующих исследований. Некоторые авторы придерживаются точки зрения, что задача судебного переводчика состоит в передаче смысла сказанного и сохраняют за переводчиком право изменять стиль и регистр речи говорящего (см. об этом, например, Conomos 1993, Barsky 1996, Berk-Seligson 1990, Hale 1996, 2002, 2007). Однако результаты некоторых исследований (Berk-Seligson 1990, Hale 1996, 2001, Rigney 1999) показали, что судебные переводчики часто переводят только семантический, контекстуально независимый смысл сказанного, не учитывая при этом прагматического значения высказываний.

Другие авторы подчёркивают важность дословного перевода в суде (см. об этом, например, Wells 1991). Р. Моррис пишет о том, что некоторые представители юридической профессии считают, что задача судебного переводчика заключается не в толковании смысла сказанного, а в дословном переводе слов говорящего (Morris 1995, 26).

Ещё одним важным фактором, влияющим на качество перевода, является способ устного перевода. В Соединённых Штатах Америки в большинстве случаев перевод в суде выполняется синхронно, за исключением дачи свидетельских показаний, когда перевод выполняется последовательно (Gonzalez et al, 1991), но в других странах перевод в суде чаще выполняется последовательно (Driesen, 1989; Tsuda, 1995).

Несмотря на существующую во многих странах осведомлённость о необходимости повышения качества перевода в правовой сфере, законодательные органы не предпринимают никаких действий по учреждению стандартов, и оставляют этот вопрос на усмотрение судов. В Великобритании, например, существует Национальный регистр переводчиков публичноно сектора (National Register of Public Service Interpreters), который используется судами и отделениями полиции для выбора кандидатов для приёма на работу, хотя это не предписано законом (Colin and Morris, 1996; Tybulewicz, 1997). В тех странах, где существует профессия переводчика общественного сектора или профессия присяжного переводчика, законодательные органы объявили таких переводчиков

квалифицированными и для работы на судебных заседаниях, даже если эти переводчики никогда не обучались переводу в суде (Valero-Garces 1998; Martonova 1997).

Важный шаг на пути к профессионализации был сделан с основанием в 2009 году Европейской ассоциации судебных устных и письменных переводчиков (EULITA). Законодательные органы также предприняли меры по обеспечению доступа к правосудию несмотря на языковые или культурные барьеры согласно Директиве Европейского Парламента и Совета Евросоюза относительно расширения прав подозреваемых и обвиняемых на получение услуг по устному и письменному переводу в судах и во время расследований.

2.4 Правовые акты, регулирующие работу судебных переводчиков Эстонии

Доступность правовой поддержки посредством переводчика в Эстонии была исследована в работе К. Кару (2011). К числу эстонских законов, регулирующих в числе прочего языковую поддержку, относятся следующие: «Закон о языке», «Уголовно-процессуальный кодекс», «Административно-процессуальный кодекс», «Гражданский процессуальный кодекс», «Закон о предоставлении международной защиты иностранцам» и «Закон о беженцах». В «Законе об иностранцах», регулирующем прибытие, нахождение на территории Эстонии, право на проживание и работу иностранных граждан, предоставление языковой поддержки отдельно не оговаривается, даются ссылки на перечисленные выше правовые акты. Как следствие услуги социального перевода регулярно обеспечиваются лишь в правовой сфере. Так, в частности, в судах и в Департаменте полиции и погранохраны Эстонии работают штатные переводчики, в число обязанностей которых входит обеспечение как устного, так и письменного перевода для лиц в нем нуждающихся (Кару 2011, 116). Работа штатных переводчиков в судах регулируется должностной инструкцией, в которой зафиксированы основные права и обязанности судебного переводчика.

Работа судебных переводчиков также регулируется некоторыми параграфами вышеперечисленных законодательных актов.

В пункте 5 параграфа 161 «Уголовно-процессуального кодекса» сказано, что «в интересах достоверности перевода у переводчика есть право задавать вопросы участнику судебного разбирательства, ознакомиться с протоколом судебного заседания и делать заявления, которые будут запротоколированы»¹². В пункте 6 параграфа 161 «Уголовно-процессуального кодекса» сказано, что «переводчик обязуется переводить всё относящееся к судебному разбирательству точно и полно. В случае если переводчик не является штатным или не владеет в достаточной степени специальной терминологией или языком жестов, то он должен отказаться от участия в судебном процессе». В пункте 4 параграфа 34 «Гражданского процессуального кодекса» сказано, что «переводчик должен быть обеспечен лицу в производстве по помещению лица в закрытое учреждение и в производстве по назначению лицу опекуна»¹³.

2.5 Роли судебного переводчика: «Невидимый» языковой посредник или активный участник коммуникации?

Тема роли переводчика является наиболее обсуждаемой и наиболее противоречивой. Противоречие состоит в неоднозначном понимании роли переводчика, требующей от переводчика «нейтральности», «прозрачности» и «невидимости» с одной стороны, и предполагающей «широту» и «навязчивость» с другой (см. об этом, например, Schlesinger 1991; Morris 1993, 1995, 1999, 2007, 2008; Laster & Taylor 1994; Niska 1995; Fenton 1997; Rudvin 2003).

Многие исследования показывают, что самой сложной задачей в работе судебного переводчика является выполнение функции «моста» между людьми. С. Берк-Селигсон рассматривает насколько судебный переводчик должен быть вовлечён в судебный процесс и утверждает, что переводчик является неотъемлемой его частью (Berk-Seligson 1990). К примеру, переводчик может счесть необходимым

¹² Kriminaalmenetluse seadustik (2003) Riigi Teataja <https://www.riigiteataja.ee/akt/782861> (01.05.2012).

¹³ Tsiviilkohtumenetluse seadustik (2005) Riigi Teataja <https://www.riigiteataja.ee/akt/1319021> (01.05.2012).

обратить внимание одного из судебных чиновников на непонимание со стороны свидетеля и разъяснить культурно-специфичный аспект. Однако зачастую судебные чиновники недооценивают ценность и важность переводчика и переводческого процесса в целом, поскольку полагают, что задачей переводчика является не толкование смысла, а дословный перевод услышанного (Morris 1995, 2). Очень часто юристы игнорируют тот факт, что дословный перевод (перевод слово в слово) может привести к искажению смысла. Юристы считают себя единственными участниками судебного процесса, которые обладают правом манипуляции средствами самовыражения. Если их слова остаются непонятыми зависимыми от услуг переводчика участниками судебного процесса или самими переводчиками, то ответственность за это лежит на последних. (Morris 1995, 31).

Согласно закону судебный перевод – это объективный, механический, прозрачный процесс, в котором переводчик является всего лишь языковым посредником. Однако вне предписаний закона процесс перевода включает в себя понимание переводчиком смысла высказываний говорящего, а также его намерений. В последнем случае переводчик играет активную роль в процессе коммуникации, что является неприемлемым со стороны адвокатов и судей (Morris 1995, 25).

Профессия судебного переводчика имеет неодинаковый статус развития в разных странах мира, однако даже в тех странах, где профессия судебного переводчика признаваема и регламентирована¹⁴, существует неоднозначное понимание роли

¹⁴ Под регламентом мы подразумеваем наличие этического или профессионального кодекса судебных переводчиков, в котором прописаны действия судебного переводчика в той или иной ситуации. К сожалению, в данной работе нет возможности подробно остановиться на описании всех существующих кодексов профессиональной ответственности для судебных переводчиков, поэтому мы приводим в пример лишь несколько из них.

В качестве примера можно привести профессиональный кодекс судебного переводчика суда первой инстанции штата Массачусетс в США (Code of Professional Conduct for Court Interpreters of the Trial Court) (<http://www.mass.gov/courts/admin/planning/codeofconduct.html>) (12.05.2012).

Кодекс профессиональной ответственности для судебных переводчиков национального центра государственных судов в Соединённых Штатах Америки (The Model Code of Professional Responsibility for Interpreters in the Judiciary of the National Center for State Courts in the United States) (<http://www.ndcourts.gov/court/interpreter.pdf>) (12.05.2012).

судебного переводчика. Данная ситуация обусловлена в частности тем фактом, что уровень подготовки судебных переводчиков неодинаков, что в свою очередь ведёт к неоднозначному пониманию своей роли как самими переводчиками, так и людьми, которые с ними работают (Hale 2008, 100).

Наличие этического кодекса играет немаловажную роль в разрешении дилемм, которые являются неизбежной частью работы судебного переводчика, однако даже наличие подобного кодекса не ведёт к разрешению всех проблем, по причине сложных комплексных концепций и понятий, которые в нём представлены (там же, 101).

Р. Гонзалез приводит в пример один из таких кодексов, останавливаясь на семи принципах:

1. Переводчик обязан предоставить полный и точный перевод.
2. Переводчик должен оставаться беспристрастным и сохранять нейтральность.
3. Переводчик должен сохранять конфиденциальность.
4. Переводчик должен ограничивать своё участие исключительно ситуациями, в которых он выступает языковым посредником.
5. Переводчик должен быть подготовлен к любому процессу или делу.
6. Переводчик должен убедиться в том, что он или она выполняет свои обязанности в соответствии с условиями работы, отвечающими интересам суда.
7. Переводчик обязан ознакомиться со всеми пунктами этического кодекса и придерживаться их и должен вести себя в соответствии с правилами поведения и этикетом, соблюдаемом в суде, таким образом способствуя общественному доверию по отношению к обеспечению правопорядка (Gonzalez et al. 1991, 475).

В шестом пункте данного кодекса говорится, что переводчик должен ограничивать своё участие исключительно ситуациями, в которых он выступает языковым посредником.

Однако результаты исследований некоторых авторов, в частности, наблюдения в судах Дании (Jacobsen 2003), наблюдения в судах Венесуэлы (Vilela Biasi 2003) и наблюдения в судах Австралии (Hale 2004), показали, что несмотря на предписания закона и регламент судебного перевода во многих странах, согласно законам которых переводчик является всего лишь языковым посредником, в действительности переводчик зачастую выходит за эти рамки (Angelleli 2004, 16).

Данные наблюдения подтверждают точку зрения С. Хейл о том, что наличие подобного кодекса не ведёт к разрешению всех проблем, по причине сложных комплексных понятий, которые в нём представлены.

В Этическом кодексе австралийской ассоциации судебных переводчиков (Code of Ethics of the Australian Association of Court Interpreters) сказано, что переводчик играет значимую роль в соблюдении основных прав человека и равенства перед законом (Mikkelson 2000, 48). Однако С. Хейл считает, что данная задача очень сложна и практически невыполнима, и отмечает, что первостепенной задачей переводчика является передача текста языка оригинала на язык перевода с максимальной точностью (Hale 2004, 8). Подобную точку зрения разделяют многие авторы (Laster & Taylor 1994; Duenas Gonzalez 1991; Edwards 1995; Mikkelson 2000). Х. Миккельсон подчёркивает, что задача судебного переводчика заключается в том, чтобы помочь зависимому от перевода лицу в преодолении языкового барьера, но не в том, чтобы обеспечить ему более привилегированное положение по сравнению с остальными участниками судебного процесса. Другими словами, задача переводчика заключается не в том, чтобы обеспечить понимание процесса зависимым от перевода лицом, а в том, чтобы дать ему такой же шанс на понимание, как если бы он понимал язык судопроизводства (Mikkelson 2000, 2).

Работа судебных переводчиков Австралии также регламентируется Этическим кодексом австралийского института устных и письменных переводчиков (AUSIT Code of Ethics for Interpreters and Translators)¹⁵, в котором помимо прочего сказано, что переводчик обязан оставаться беспристрастным и переводить точно. Такие

¹⁵ http://www.ausit.org/files//code_of_ethics/ethics.pdf (09.02.2012).

правила сложны и противоречивы и понимаются каждым переводчиком по-разному (Mikkelsen 2000).

Некоторые исследователи, в том числе К. Ластер и В. Л. Тэйлор не согласны с необходимостью соблюдения судебными переводчиками нейтральности, так как, по их мнению, само понятие нейтральности в суде противоречит комплексности судопроизводства (Laster & Taylor 1994). Несмотря на этические обязательства, каждый переводчик неизбежно будет испытывать большую симпатию к тому или другому клиенту, что в свою очередь, может повлиять на качество перевода (там же, 218). Особенно сложным К. Ластер и В. Л. Тэйлор называют положение переводчика-женщины, которая переводит для клиента-мужчины на судебном заседании, где важную роль играет понимание особенностей других культур (там же, 218). Несмотря на осведомлённость переводчиков и нежелание самих переводчиков, чтобы их считали экспертами в области культуры, в некоторых ситуациях знание культурных особенностей необходимо, так как ведёт к эффективности коммуникации. Существуют ситуации, в которых прибегнуть к помощи этнолога или социолога не представляется возможным. К. Ластер и В. Л. Тэйлор приводят в качестве примера дело, когда мужчина был осуждён за убийство своей бывшей жены. Красная краска на её руках, свидетельство недавнего повторного брака, была поводом для провокации. Значение этой детали стало очевидным, когда переводчик разъяснил прокурору особенности афганской свадьбы (там же, 220).

Многие исследователи сферы судебного перевода указывают на то, что судебные переводчики являются частью сложной тройственной лингвоправовой ситуации, которая определяет их действия и влияет на их статус. Тройственное взаимодействие является ключевым фактором, определяющим действия переводчика (Wadensjö 1993).

Вилела Биаси (2003) призывает судебных переводчиков принимать более активное участие в судебном процессе для обеспечения надлежащего процесса коммуникации при следующих обстоятельствах: «При неопределённом сценарии, где нет программ обучения переводчиков, а нормативно-правовая база отсутствует, переводчики суда Венесуэлы могут брать на себя двойную роль:

способствовать процессу коммуникации в рамках правовой системы, с одной стороны, и выступать в роли социального партнёра, с другой. Таким образом, они не только сталкиваются с трудностями понимания новой правовой системы, но также должны приспосабливаться к ней, осуществлять контроль или оказывать помощь при реализации изменений в случае их необходимости» (Vilela Biasi 2003, 244).

Подобную роль вряд ли можно назвать нейтральной. Стоит отметить, что даже в Соединённых Штатах Америки, где работа судебных переводчиков регулируется самыми строгими правилами, регламентирующими беспристрастность и невмешательство, Национальная ассоциация судебных переводчиков (NAJIT) сформировала комитет по защите прав и гражданских интересов, чтобы решать проблемные вопросы профессии и содействовать общественной осведомлённости (NAJIT 2002).

С. Фентон (2001) определяет отличие процесса перевода от «адвокатирования» (*advocacy*) следующим образом: «Процесс перевода в данном контексте означает передачу смысла услышанного с внесением культурологических поправок, строго ограниченных лингвистическими элементами, тогда как «адвокатирование» подразумевает вмешательство переводчика от имени и в интересах клиента» (Fenton 2001, 1).

Р. Барски (1996) считает, что переводчик должен быть «официально признан как активный посредник между истцом и органом, рассматривающим дела и выносящим решения в судебном порядке» (Barsky 1996, 46) и «должен вмешиваться в процесс с вопросами и разъяснениями, имеющими отношение к делу» (там же, 46) вплоть до «исправления ошибочных суждений истца» (там же, 52) и «улучшения/корректирования повествования» (там же, 56).

В статье о судебном переводе С. Фентон оспаривает точку зрения Р.Барски и указывает на то, что подобный подход «откроет путь опасной и ненадёжной практике судебного переводчика», создавая ложное впечатление у истца о полномочиях переводчика (Fenton 2001, 18).

В своём исследовании С. Фентон обнаружила, что судебные переводчики «хотели бы оставаться настолько незаметными и ненавязчивыми, насколько это возможно» (там же, 30). Некоторые другие авторы (Morris 1999; Fowler 1997) также придерживаются той точки зрения, что предъявление подобных обременительных требований является несправедливым по отношению к переводчикам.

С другой стороны, широко признаётся факт, что переводчики могут и должны брать на себя роль «адвоката переводческого процесса», и подобное поведение поощряется Пунктом 8 Этического кодекса и профессиональных обязанностей национальной ассоциации судебных переводчиков (NAJIT): «Устные и письменные судебные переводчики должны довести до сведения суда любые обстоятельства, которые могут воспрепятствовать полному соответствию всем вышеприведённым правилам кодекса, включая усталость переводчика, затруднённую слышимость или недостаточное знание специальной терминологии, и должны отказаться от работы или особых заданий, если подобные обстоятельства могут привести к несоответствию правилам кодекса» (NAJIT, 2005).

Таким образом, подтверждается факт, что однозначного понимания роли судебного переводчика не существует. Некоторые авторы, в том числе, С. Берк-Селигсон (Berk-Seligson 1990), Р. Моррис (Morris 1995, 1999), Р. Барски (Barsky 1996), В. Биаси (Vilela Biasi 2003), К. Ластер и В. Л. Тэйлор (Laster & Taylor 1993, 1994) придерживаются мнения, что судебный переводчик является активным участником коммуникации, выходящим за рамки «невидимого» языкового посредника. Х. Миккельсон (Mikkelson 2000), С. Хейл (Hale 2004) и С. Фентон (Fenton 2001) обращают особое внимание на то, что первостепенная задача судебного переводчика заключается в том, чтобы помочь зависимому от перевода лицу преодолеть языковой барьер, но не в том, чтобы обеспечить ему более привилегированное положение по сравнению с остальными участниками судебного процесса, то есть, «адвокатирование» не является задачей судебного переводчика. Таким образом, данная позиция подразумевает нейтральность со стороны переводчика, однако Р. Барски (Barsky 1996) и К. Ластер и В. Л. Тэйлор

(Laster & Taylor 1993, 1994) подчёркивают, что сохранение судебным переводчиком нейтральности противоречит комплексности судебного процесса.

3. Методология

3.1 Метод сбора информации

Для проведения данного исследования использованы два метода сбора информации, метод качественного (качественного) интервью и метод наблюдения. При выборе методов исследования мы учитывали возможности и ограничения каждого из них.

Широко признаётся факт, что исследователь, предпринимающий качественное исследование, сталкивается с рядом трудностей, таких как выбор методов исследования, соблюдение валидности, интерпретация и анализ результатов и др. (Birch & Miller 2000; Campbell 2002; Etherington 1996; Ferguson 2003; Gale 1992; Gilbert 2001a; Hart & Wright-Crawford 1999; Hutchinson & Wilson 1994; Johnson & Clarke 2003; Kitson et al. 1996; Langford 2000; Liamputtong & Ezzy 2005). Исследователи должны придерживаться рамок научного исследования (Dickson-Swift et al. 2006; Gale 1992), помнить о рефлексивности (Ellingson, 1998; Kiesinger, 1998) и контролировать свои эмоции, по возможности оставаясь беспристрастными (Dunn 1991; Gilbert 2001b; Payne 1994; Rager 2005).

3.2 Качественное (качественное) интервью

Определение *качественный* (от латин. *qualitas* - качество) придаёт особое значение качеству единиц и процессов, а также значениям, которые трудно или невозможно экспериментально исследовать или измерить, а не количеству, объёму, интенсивности или частоте. Качественное исследование акцентирует внимание на социально-ориентированной природе действительности, доверительном отношении между исследователем и предметом исследования, а

также на ситуационных ограничениях, формирующих исследование (Denzin, Lincoln, eds. 2000, 8).

У. Флик обобщает различия между качественным и количественным методами исследования. Он подчёркивает, что количественный метод используется с целью установления причины и следствия, теоретических взаимосвязей и определения и измерения феномена или явления. Однако сегодня вследствие быстрых изменений в обществе и многообразия жизни, исследователи всё чаще сталкиваются с новым социальным контекстом. Вследствие этого исследователи вынуждены использовать индуктивные стратегии вместо того, чтобы проверять теории (Flick 1998, 2-3).

С. Квале определяет качественное интервью как «строительную площадку для знания. Интервью – это в буквальном смысле *вид изнутри*, обмен мнениями между двумя людьми, беседующих на тему, представляющую взаимный интерес» (Kvale 1996, 14).

А. Фонтана и Дж. Фрей определяют интервью как активное взаимодействие между двумя или более людьми, ведущее к согласованным, контекстуально-обоснованным результатам (Fontana & Frey 2000, 646).

М. Кристофферсен и Б. Андерсен называют качественное интервью мягким методом опроса, а данные, получаемые в результате интервью – мягкими или качественными данными («soft data») (Christoffersen, Andersen 1982, 112).

Для проведения данного исследования был использован метод глубинного полуструктурированного интервью. Под структурированием понимается установление устойчивых связей между элементами. По мнению автора, именно этот вид качественного интервью наиболее подходит для данного исследования, так как обладает высокой степенью совместимости с другими методами, а также высокой степенью гибкости, при этом сохраняя параметры научного метода.

С одной стороны, данные, полученные в ходе полуструктурированного или полуструктурированного интервью, могут сравниваться между собой. С другой

стороны, полуструктурированное интервью достаточно гибко и восприимчиво, чтобы уловить и зафиксировать непредвиденные, но интересные повороты беседы, способные дать толчок к новому видению проблемы, или скорректировать искажённое восприятие формализованных вопросов.

М. Бреннер отмечает, что при полуформализованной процедуре интервьюер устанавливает систему координат, исходя из задач исследования, и следит за её соблюдением. Предварительно составляется общий план разговора с перечислением тематических блоков, представляющих исследовательский интерес, а также выделением аспектов, относительно которых должна быть получена более детальная информация. Формулировка отдельных вопросов и предполагаемая форма ответов остаются свободными, открытыми, их конкретное оформление происходит в ходе интервью (Brenner 2006, 362).

Ч. Бриггз отмечает другую принципиальную характеристику полуформализованного интервью, а именно установление общей для интервьюера и респондента референциальной рамки (Briggs 1986).

М. Паттон рекомендует начинать интервью с описательных вопросов, которые отражают опыт и знания/профессиональную компетенцию респондентов. Когда чёткое описание получено, дальнейшая беседа происходит в рамках общего контекстуального пространства (Patton 2002).

М. Бреннер подчёркивает, что в формализованных интервью процесс взаимопонимания жёстко структурирован и осуществляется по определению на формальном уровне (Brenner 2006, 362-363). «Мягким» же методам свойственна многозначность. Чем менее формализовано интервью, тем лучше оно улавливает оттенки смысла и формирует свой собственный внутренний смысл в процессе коммуникации (Briggs 1986).

Также следует упомянуть понятие рефлексивности. Исследователь подвержен процессу рефлексивности в течение всего исследовательского процесса. Рефлексивность понимается как способность исследователя контролировать

влияние своих личностных характеристик на исследуемую ситуацию (Gray 2009, 183).

Дж. Кресвелл определяет рефлексивность как процесс, при помощи которого исследователь отражает влияние своей индивидуальной субъективности и оценивает последствия своего участия в процессе исследования (Cresswell 2003, 182).

Глесне и Пешкин (1992) считают, что для исследователя важно быть заинтересованным в теме исследования, но исследователь не может позволить эмоциональной вовлечённости «повлиять на исследовательское отношение к работе, необходимое для качественного сбора и анализа данных» (Glesne & Peshkin 1992, 14).

Рубин и Рубин подчёркивают, что в исследовательской работе следует принимать во внимание влияние личности исследователя на анализ и интерпретацию результатов, подчёркивая, что это влияние должно быть подробно описано и объяснено (Rubin & Rubin 2005, 76-77).

3.3. Наблюдение

Наблюдение – это метод исследования с низким уровнем ограничений. В этой работе мы используем метод «ненавязчивого» наблюдения¹⁶, когда наблюдатель не вмешивается в процесс и никаким образом не влияет на участников наблюдения. Преимуществом данного метода в сравнении, например, с интервью, является то, что присутствие наблюдателя не вызывает искусственных изменений в исследуемой ситуации.

Метод наблюдения определён как «основа всех методов исследования» в социальных науках и бихевиоризме (Adler & Adler 1994, 389).

¹⁶ Термин введён в употребление Webb *et al.* (1966)

Специфика данного метода усложняет повторное проведение идентичного наблюдения, так как наблюдатель не лишён человеческой черты эмоциональности восприятия (Gray, 2009, 417). Прибегая к методу наблюдения, как одному из методов сбора информации, мы получаем возможность сопоставить результаты качественных интервью с результатами наблюдения, и таким образом проверить точность ответов интервью (Bekker & Geer 1970, 138).

Мы предполагаем, что результаты, полученные с применением методов качественного интервью и наблюдения необязательно будут одинаковыми.

Исследователи, прибегающие к ненавязчивым методам наблюдения, используют «предположение в качестве контрольной меры». То есть «продуманное и эффективное использование ненавязчивых методов требует от исследователя заранее сделанных предположений о результатах наблюдения, так как в случае, если предположение не подтвердится, у исследователя будет возможность документально зафиксировать этот факт (Webb & Weick 1983, 214-215).

В нашем исследовании наблюдение проводилось после того, как были проведены интервью, сделаны транскрипции и проанализированы результаты. Таким образом, у автора было представление о существующем порядке ведения судебного заседания, а также о проблемах, непосредственно касающихся работы переводчика в суде, на которые обратили внимание респонденты во время интервью. Вследствие этого у нас была возможность проверить информацию, полученную в ходе интервьюирования, методом наблюдения.

3.4 Контроль качества исследования

Понятие качества исследования расплывчато, вследствие чего и термин качества исследования используется по-разному. Неоднозначные определения препятствуют работе по улучшению качества, поэтому первостепенной задачей является разъяснение понятия качества насколько это возможно (Morganstein & Marker 1997). Одним из наиболее цитируемых определений качества в

интересующем нас контексте является «соответствие назначению» (Juran & Gryna 1980).

Ценность научного исследования зависит от способности исследователей продемонстрировать достоверность полученных результатов. Независимо от дисциплины или методов сбора информации и анализа, целью всех научных методов является получение достоверных результатов. Во всех областях, требующих проведения научного исследования, надёжность и валидность результатов являются одними из важнейших параметров (Graziano, Raulin 2004, 65). Любое исследование должно измерять именно то, что заявлено в целях исследования, то есть должно соответствовать теоретическому построению работы (там же, 181). Однако валидность результатов в качественном исследовании имеет несколько иное значение, чем валидность результатов в количественном исследовании (Cresswell 2003, 195). Ключевым словом в данном случае является «разъяснение» (Cronbach 1988, 3). Валидность в качественном исследовании показывает достоверность результатов с точки зрения исследователя (Cresswell & Miller 2000).

Дж. Кресвелл предлагает восемь основных стратегий для контроля качества результатов исследования, которых мы придерживались в процессе данной работы:

1. Триангуляция (*triangulation*). Использование нескольких исследовательских методов как способ получения более достоверных эмпирических данных по сравнению с результатами, получаемыми в случае применения какого-либо одного метода;
2. Перепроверка данных. Для того, чтобы убедиться в достоверности полученных результатов, следует сверять окончательный отчёт с респондентами, чтобы они могли подтвердить достоверность данных;
3. Подробное описание исследования. Это позволит читателям лучше понять процесс исследования;

4. Разъяснение влияния личности исследователя на анализ и интерпретацию результатов (В этом пункте повторяется рекомендация Рубин и Рубин (Rubin & Rubin 2005, 76-77));
5. Представление негативной или противоречивой информации. Подобное действие повысит надёжность результатов исследования;
6. Рекомендуется длительное время проводить в исследовательской среде для того, чтобы более глубоко понять исследуемый феномен или явление. В данном исследовании под исследовательской средой мы понимаем судебные заседания, на которых присутствует переводчик;
7. Рекомендуется привлекать к работе независимых дебриферов, которые в некотором роде выступают в роли независимых рецензентов. Таким образом, исследователь получит взгляд со стороны на свою работу. Для данного исследования привлекался один независимый дебрифер;
8. Рекомендуется привлекать к работе независимого аудитора для проверки всего проекта. В отличие от независимого дебрифера, оценка аудитора особенно важна, поскольку он ранее не был знаком с проектом исследования (Cresswell 2003, 196-197).

В данном исследовании в качестве независимого аудитора выступал человек юридической профессии, которому были известны общие цели работы до начала исследования, и который ознакомился с законченным проектом исследования после завершения работы.

Крайне важным этическим требованием является правдивое изложение результатов исследования. Эта тема приобрела особое значение в настоящее время, которое Дензин и Линкольн называют «постмодернистским периодом» (Denzin & Lincoln 2000, 3). Для этого времени характерны два кризиса: кризис репрезентативности и кризис легитимации (для исследователей, использующих качественные методы исследования).

Одной из возможных ответных реакций является защита «эпистемологической точки зрения» (Denzin 1997, 53-89), когда интервьюер не только осознанно соперничает респонденту как личности, но и осознанно симпатизирует и разделяет политические цели респондентов как категории или коллектива (Gubrium, Holsten 2002, 116).

3.4.1 Внутренняя валидность

Главной проблемой в исследовании является валидность методик и заключений. Термин *валидность* имеет несколько значений, основные из которых методологическая точность и уместность (Graziano, Raulin 2004, 181).

Валидность исследования – это оценка проведённого эмпирического исследования с точки зрения «правильности» его организации и тем самым возможности считать полученные результаты и сделанные выводы достоверными. Объективность характерна как для качественной, так и для количественной традиции. Однако критерии оценки качественного исследования отличаются от критериев оценки количественного исследования. Целью исследователя в первом случае является достоверность результатов, основанная на последовательности, глубоком понимании, уместности выбранных методов и надёжности (Lincoln & Guba 1985), достигаемая посредством контроля, а не традиционных методов соблюдения валидности (Cresswell 2003, 199).

Внутренняя валидность (англ. *internal validity*) является непременным условием любого исследования. Внутренняя валидность показывает адекватность и достоверность использованных методов исследования. Одним из методов контроля внутренней валидности является повторное проведение исследования другими исследователями, которое даст идентичные результаты (Graziano, Raulin 2004, 195).

В случае проведения качественного интервью соблюдение достоверности исследования сопряжено со многими трудностями. Повторному проведению такого исследования препятствует то обстоятельство, что интервью проведены в

определённое время и в определённом месте, и возможность создания идентичных условий ограничена. Следовательно, внутренняя валидность этого метода ограничена (Wilson & Sapsford 2006, 118-120).

В случае полуструктурированного интервью степень валидности можно повысить, если исследователь следит за соответствием содержания вопросов непосредственной цели исследования. Согласно Х. Арксей и П. Найт степень валидности можно повысить за счёт соблюдения следующих условий:

- Использовать такие методы интервью, которые помогают достичь взаимопонимания и доверия с респондентами;
- Побуждать респондентов пояснять свои первоначальные ответы;
- Следить за тем, чтобы время проведения интервью было достаточно долгим для того, чтобы подробно изучить вопрос исследования (Arksey & Knight 2009, 52).

М. Пэттон акцентирует внимание на том, что контроль при проведении интервью осуществляется при соблюдении следующих условий:

- Чёткое представление исследователя о целях и задачах интервью;
- Умение исследователя задавать уместные и понятные вопросы;
- Умения исследователя давать вербальную и невербальную обратную связь (Patton 2002, 375-376).

3.4.2 Внешняя валидность

Внешняя валидность позволяет провести точно такое же исследование другими исследователями и показывает, в какой степени возможен перенос и/или обобщение результатов на другие условия исследования или другую группу людей (Benz, Newman 1998, 54). Однако К. Бенц и И. Ньюман утверждают, что генерализуемость результатов является целью не качественного, а количественного исследования. Если целью исследования является обобщение

результатов, то исследователю следует применять количественные методы исследования (там же, 54).

У. Линкольн и Е. Губа предлагают термин «заменяемость» (*transferability*). Они рекомендуют исследователям быть осторожными при обобщении результатов, не считая генерализуемость обязательным условием качественного исследования (Lincoln & Guba 1985).

4. Результаты исследования

4.1 Краткое описание

Эмпирическая часть исследования состоит из 10 глубинных интервью. Для получения контактных данных исследователь напрямую связывался с переводчиками. Респондентами были судебные переводчики, работающие в Харьюском уездном суде, Таллиннском окружном суде и в прокуратуре Северного округа Эстонии. Переводчики Тартуского окружного суда от дачи интервью отказались. Все штатные переводчики Харьюского уездного суда, Таллиннского окружного суда, а также штатные переводчики прокуратуры Северного округа Эстонии дали своё согласие на проведение интервью.

В аналитической части работы для обозначения респондентов использованы цифры от одного до десяти.

4.2 Выборка

Изначально планировалось опросить переводчиков только Харьюского уездного суда, так как это суд первой инстанции, рассматривающий все гражданские и уголовные дела и дела по проступкам. Однако, поскольку штат переводчиков каждого из судов относительно малочислен, было решено обратиться также к переводчикам Таллиннского окружного суда. Таллиннский окружной суд в качестве суда второй инстанции рассматривает в порядке апелляции решения уездных, а также административных судов на основании поданных на них апелляционных жалоб, частных жалоб и протестов. Окружной суд действует при рассмотрении дел коллегиально. Это означает, что рассмотрением апелляционной жалобы занимается судебная коллегия, в которую входят трое судей.

В процессе исследования выяснилось, что штатных переводчиков прокуратуры Северного округа Эстонии также иногда вызывают на судебные заседания. Один из опрошенных нами переводчиков прокуратуры выполняет переводы на заседаниях, где рабочими языками являются английский и эстонский. Это обстоятельство особенно привлекло внимание автора исследования, поскольку рабочими языками всех остальных переводчиков являются эстонский и русский языки. В процессе подготовки к исследованию выяснилось, что судьи, в основном, владеют эстонским и русским языком одинаково хорошо, и поэтому перевод на заседаниях, где рабочими языками является эстонский и русский, зачастую является формальным. Судебный переводчик на таких заседаниях присутствует для соблюдения законодательства и прав обвиняемого. Нам было особенно интересно узнать, отличается ли ситуация и если отличается, то в чём именно, на тех заседаниях, где рабочими языками являются английский и эстонский.

Всего в интервью принимали участие 4 переводчика Харьюского уездного суда, 3 переводчика Таллиннского окружного суда и 3 переводчика, работающие в прокуратуре Северного округа Эстонии.

В процессе подготовки к исследованию мы обратились к 12 судебным переводчикам, двое из которых не нашли время для проведения интервью.

Среди респондентов были как люди с высшим образованием, так и люди со средне-специальным и со средним образованием. Из 10 респондентов один имеет два высших образования, в том числе и по специальности устного и письменного перевода.

Большинство респондентов принимало участие в курсах повышения квалификации для судебных переводчиков при Тартуском университете.

Из 10 респондентов двое мужчин и восемь женщин. Респонденты различались и по возрастной характеристике, однако внимание уделялось опыту работы судебным переводчиком. Опыт работы переводчиков варьировался от 2,5 до 20 лет.

У 6 из 10 респондентов родной язык русский, у 2-х респондентов родной язык эстонский. Двое из 10 респондентов - билингвы.

9 интервью проводились на рабочих местах переводчиков. 1 интервью проводилось вне рабочего места. 7 интервью были записаны на диктофон. Для остальных трёх интервью использовалась техника записи, поскольку не все респонденты были согласны на запись интервью на диктофон. Длительность интервью варьируется от 40 до 60 минут. Все интервью проводились на русском языке.

Особое внимание в исследовании уделялось обеспечению конфиденциальности респондентов, поэтому в работе не упоминаются ни имена респондентов, ни какие-либо другие характеризующие их данные. Это было сделано для соблюдения этических норм исследования и защиты данных респондентов.

Перед проведением интервью на адрес электронной почты респондентов отправлялось письмо, в котором содержалось краткое описание целей и методов исследования. После получения согласия респондентов на интервью, обговаривалось время и место встречи для его проведения.

В следующем разделе главы представлены результаты интервью.

4.3 Результаты интервью

Вопросы интервью делились на тематические блоки. Беседа начиналась с общих, описательных вопросов, которые давали интервьюеру представление об опыте, компетенции¹⁷ и профессиональной ответственности респондентов. Таким образом, дальнейшая беседа проходила в рамках общего контекстуального пространства. Последующие вопросы имели частный характер и касались точности перевода и действий переводчика в той или иной ситуации. Таким образом, у интервьюера появлялась возможность сравнить, насколько обязанности и права судебных переводчиков, а также самопредставление переводчиков о своей роли, соответствуют их реальным действиям в той или иной ситуации. Последний блок вопросов касался профессии судебного переводчика в целом, необходимости или неостребованности обучения судебному переводу, и особых сложностей в работе судебного переводчика. В конце беседы уточнялись личные данные респондентов, такие как образование, опыт работы судебным переводчиком и прохождение курсов повышения квалификации.

4.3.1 Обязанности судебного переводчика

При перечислении своих обязанностей все 10 респондентов назвали выполнение как устного перевода на судебных заседаниях, так и письменного перевода документов, что соответствует пункту 3.1 должностной инструкции судебного переводчика, где сказано, что «переводчик переводит устно на судебных заседаниях, и делает письменный перевод судебных решений и других судебных документов с эстонского языка на русский и с русского на эстонский»¹⁸.

¹⁷ Компетенция – 1. Область знаний, круг вопросов, в которых кто-либо хорошо осведомлён. 2. Круг полномочий какого-либо органа или должностного лица (Толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой).

Компетенция - круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен (Словарь русского языка С. И. Ожегова).

¹⁸ <http://www.kohus.ee/10674> (07.05.2012).

Некоторые респонденты (P1, P2, P4, P6) в своих ответах особое внимание уделяли способу устного перевода. P1 и P2 отметили, что в их обязанности входит как синхронный, так и последовательный перевод.

P1: Устный и письменный эстонско-русский-эстонский перевод, устный - как синхронный, так и последовательный перевод.

P2: Обязанности делать переводы на судебных заседаниях, чаще всего делаем синхронный перевод. Бывает, что и последовательный, в зависимости от обстоятельств, но в основном мы делаем синхронный, потому что это гораздо быстрее. Процесс проходит быстрее, не надо время на переводчика расходовать, а именно всё происходит параллельно. И нам меньше запоминать или записывать надо. Ну и, конечно, перевод письменный, это приговоры, постановления, письма. В основном с эстонского на русский.

P4, судебный переводчик Таллиннского окружного суда, указал на то, что у штатных переводчиков разных судов обязанности различаются, например, специфика работы переводчиков административного суда отличается от специфики работы переводчиков окружного суда. В том числе отличается и вид устного перевода. В окружном суде перевод выполняется синхронно, а в административном суде – последовательно.

P4: В мои обязанности входит перевод письменных документов, всех документов, которые могут принести из суда. Это во-первых. Во-вторых, участие в судебных заседаниях. Как в уголовных, так и в гражданских. Бывали случаи, когда нас и в административный суд дёргали, от которого мы категорически отрециваемся. Неприятностей тут всяких было. Во-первых, мы работаем всю жизнь в основном с гражданскими и уголовными делами, перестраиваться уже очень сложно. Немножко другая система работы в административном суде. А главное, что там делают последовательный перевод. Это для нас тоже сверхсложно. Поскольку сама побывала, знаю, что это такое и мне это не понравилось. В основном нас сейчас не беспокоят даже по гражданским делам, много письменных сейчас работ. Конечно, по сравнению даже с гражданскими уголовные дела нам ближе, привычнее. Это основная наша работа.

P6 выразил недовольство по поводу существующего порядка и требований, возлагаемых на судебного переводчика. P6 отметил, что в Эстонии сформировалась странная практика судебного перевода, где не существует чёткого разделения синхронного и последовательного перевода.

Р6: Скажем, у судебных переводчиков, это вообще очень странная практика, которая сформировалась только у нас в Эстонии. Насколько я знаю, нигде, ни в одной другой стране такого нет. У нас судебные переводчики делают непонятный перевод, он вроде и не синхронный, и не последовательный. Потому что если мы говорим о синхронном переводе, это всегда кабинка, это всегда наушники.

Наши респонденты обращали внимание на то, что специфика работы разных судов требует от переводчика разного **уровня подготовки**, в частности, знания специальной терминологии:

Р9: Дела в гражданском суде требуют более обширных знаний, чем в уголовном суде, так как областей намного больше. Бывают сложные дела, например, экономические преступления, требующие знания специальной терминологии.

Р3: Если дело очень специфичное. Например, касается судостроительства или рубки леса. Именно специфическая терминология. Тут у нас и вертолётчики были. И если по сути, я даже не понимаю, о чём говорят. То есть я должна по словарям, заранее, узнавать, что это на моём языке означает.

Р6: Ладно там, если кража, а бывают более сложные дела, какие-нибудь экономические преступления, с налоговым мошенничеством, то есть это всё-таки терминология, которую хочется освежить. Бывает, что иногда не можешь просто вспомнить какое-то слово.

Р10: Бывают сложные переводы. И это, в основном, экономические преступления. В них очень много терминов, очень много насыщенной информации, то есть, в случае экономических преступлений необходимо вникнуть в суть дела. Какая фирма, что сделала, кому не заплатила.

В круг обязанностей некоторых переводчиков прокуратуры входит также перевод в тюрьме один рабочий день в неделю.

4.3.2 Права судебного переводчика

Все 10 респондентов ответили, что переводчик обладает обычными правами штатного работника общественного сектора. Переводчик обязан выполнять свою работу и не имеет права отказаться от выполнения своих обязанностей. Один из респондентов ответил, что у переводчика нет прав, а есть только обязанности.

P4 отметил, что переводчик может оказывать помощь гражданам, нуждающимся в услугах переводчика, но не имеющим финансовых возможностей обратиться в бюро переводов.

P4: Бесспорно, если придёт какой-то гражданин, кто нуждается в нашей помощи, кому нужно что-то перевести или объяснить, безусловно, мы помогаем. Это тоже наша работа. Вот мы сидим здесь в открытой зоне, мы единственные, которые находимся ...потому что с уголовниками работаем, мы самые смелые.....вот. Ну и конечно, когда звонят из канцелярии. Из любой канцелярии. Если нужна помощь кому-то из граждан, то никогда мы не отказываем. Бесспорно. Перевести. Люди же не могут и не в состоянии нанимать переводчиков даже для того, чтобы перевести те решения, которые они здесь получают. Ну хотя бы устно. Всегда помогаем. Никогда никому не отказываем. Это естественная работа.

Все 10 респондентов ответили, что переводчик имеет право переспросить, если не расслышал и задавать и уточнять вопросы, однако просьба переводчика о перерыве считается нежелательной и поэтому с такой просьбой переводчики стараются к суду не обращаться. Как нежелательную переводчики отмечают также просьбу снизить темп речи, даже когда они не успевают переводить, оставляя это решение за судьёй, однако это негласное правило нельзя абсолютизировать (ср.: P3, P6, P10).

P1: Просьба повторить – это нормально и почти повседневно, обращение о перерыве, если судья конкретно не скажет «да» или «нет», то обычно обсуждается и решение принимается большинством голосов. То есть, конечно, никто не голосует, а кто приводит более серьезные доводы за или против. Часто судья говорит – вот до 14.00, например, будем продолжать, затем будет перерыв.

P2: В отношении усталости мы как-то даже не задумываемся. Бывает иногда по несколько часов процесс, и, в общем-то, особо переводчика никто не спрашивает, может он, не может, устаёт, не устаёт, как-то весь в процессе, и если бывают перерывы, то это по инициативе кого-то. Прокурора, защитника, обвиняемый иногда может запросить, а переводчик в основном работает без передышки. Есть заседание, 3-4 часа, сидим 3-4 часа. А в отношении того, что не расслышали, да, подаём голос, потому что от этого зависит качество перевода.

P3: Когда не слышу, были случаи, когда говорила, что не услышала. Или, например, то, успеваем мы или не успеваем. Наши судьи уже зачастую сами замечают. Потому что у них иногда у самих глаза квадратные становятся, и они смотрят вопросительно, мол, ты успеваешь или не успеваешь? Иногда, да, просим, что извините, я так не могу, помедленее. Это как бы нежелательно. Но наши коллеги из этого проблемы не делают.

P4: В общем, попадали мы в разные ситуации, ситуации, просто доводящие до предынфарктного состояния. На заседании нужно было порой находиться по 4 по 5 часов. И никто тебя не заменял. И это твоё дело, как ты справишься.

P6: Если в процессе судья не делает пауз, я могу сказать. Не каждый переводчик скажет, потому что считается, что судья как хочет, так и делает. То есть надо смотреть по ситуации, если темп такой, что в принципе я успеваю, и я вижу, что человек меня понимает, то я не буду ничего говорить. Но если я вижу, что ситуация становится критической, и там идут перечисления каких-то очень важных вещественных доказательств, которые человек должен знать, и я вижу, что я не успеваю, тогда я прошу, что, пожалуйста, давайте делать паузы иначе я не смогу гарантировать качественный перевод в таких условиях.

P10: Да, я могу сказать, переспрашиваю. Очень часто говорю, прошу подождать, если чувствую, что не успеваю. Конечно, у нас уже сложившиеся отношения, когда я только пришла, я не могла себе позволить прервать прокурора. Но если ты видишь, что ты не в состоянии, тут надо быть роботом, чтобы всё успеть, то надо делать замечания, просить сделать паузу. В нашей работе мы заметок не делаем.

4.3.3 Организация судебного заседания

P1 и P2 особо отметили, что переводчик – единственный из всех участников судебного процесса, который может свободно перемещаться по залу. И решение о своём передвижении переводчик также принимает самостоятельно.

P1: К тому же переводчик единственный, который может передвигаться по залу и подыскивать себе наиболее удобное место, может сидеть или стоять.

P2: Вот ещё что надо учитывать судебному переводчику, это то, что он не может сидеть на одном месте, он вынужден двигаться по залу. Во-первых, для того, чтобы было слышно. А кроме того, если короткая какая-то реплика, то можно через весь зал покричать, секретарю или кому надо перевести, а вот если идёт постоянно то один кто-то высказывается, то другой, и когда эти голоса будут перекрещиваться по всему залу, никто не будет вообще понимать, что происходит, то есть у них в одно ухо будет на одном языке, в другое – на другом. И в результате, всё перемешается и будет гоголь-моголь. Нужно ориентироваться по обстановке, к кому надо подойти. Это чутьё, опыт.

P10, однако, отметил, что переводчик, напротив, всегда сидит на скамейке либо рядом с подсудимым, либо перед подсудимым, то есть переводчик не подходит ни к прокурору, ни к защитнику, ни к судье.

P10: С точки зрения внутренней организации судебного перевода, переводчик не должен переводить для прокурора, переводчик не должен переводить для защитника. Также и для судьи, потому что заседания ведутся на государственном языке. Переводчик переводит только для подсудимого. То, что некоторые защитники не владеют языком, то это вообще должна быть их проблема. Переводчик переводит для обвиняемого. То есть, речь обвиняемого переводчик переводит для других участников судебного заседания, с русского на эстонский. Переводчик всегда сидит на скамейке либо рядом с подсудимым, либо перед подсудимым, то есть переводчик не бегаёт ни к прокурору, ни к защитнику, ни к судье.

4.3.4 Условия труда переводчиков в судах разных инстанций

Большинство наших респондентов (P1, P2, P3, P4, P5, P6, P9 и P10) подтвердили действие на практике пункта 5 параграфа 161 «Уголовно-процессуального кодекса», в котором сказано, что «в интересах достоверности перевода у переводчика есть право задавать вопросы участнику судебного разбирательства, ознакомиться с протоколом судебного заседания и делать заявления, которые будут запротоколированы» (см. предыдущий параграф). Однако переводчики, работающие в суде первой инстанции, заявили, что хотя у переводчика и есть право ознакомиться с протоколом судебного заседания, они практически не имеют для этого возможности. Один из респондентов даже высказал мнение, что ознакомление с материалами дела не имеет смысла.

P1: Знакомится с протоколами и заявлять об изменениях в них нет смысла, так как протокол подписывается секретарем и судьей, да и некогда.

Переводчики, работающие в суде второй инстанции и в прокуратуре, заявили, что программу судебных заседаний они получают заранее и поэтому имеют возможность подготовиться. Однако, многие из переводчиков, работающих в суде второй инстанции, подтвердили, что переводчики, работающие в суде первой инстанции, не имеют возможности подготовки к судебным заседаниям, в чём и заключается главная сложность их работы.

P3: Ну, в этом суде, то есть в окружном суде, это возможно. Если мы заранее знаем, что на заседании нужен переводчик, тогда у нас есть возможность ознакомиться с материалами дела. Если неожиданно вызывают, то, конечно, экспромтом. Там, как получится.

Р4: Сейчас мы можем, в этом суде. Та работа, которую мы выполняем последние годы, 10 как минимум лет, всё-таки более или менее мы можем. Мы получаем программу за неделю. Что невозможно в суде первой инстанции. Мы узнавали, хорошо, если с утра, о том, какие заседания будут. И это абсолютно, в корне неверно, что людей заставляют идти на заседание, не зная, куда, к чему, на что ты идёшь. Это точно также как во время заседания могли бросить папку с баллистической экспертизы, переводы с листа, с судебно-медицинской экспертизы, переводы с листа! Мы не компьютер, невозможно объять необъятное, я это всегда говорила. И там действительно порой доходили до состояния, что имени своего не помнишь! Именно из-за этого жуткого напряжения.

Р4 отмечает, что отношение к переводчику в окружном суде лучше, чем отношение к переводчику в суде первой инстанции. Судьи проявляют внимание к переводчику, и таким образом контролируют процесс перевода.

Р4: В последнее время, ощущение, чего не было никогда в суде первой инстанции, а вот здесь с годами, мы настолько срослись с судьями, что они чувствуют, когда нам тяжело, мы просто взглядами разговариваем друг с другом во время процесса. И они сами видят, когда нам не дают работать. Это называется прямо, нам не дают выполнять свою работу добросовестно. И останавливают и требуют от прокуроров, от защитников.

Р4 указал также на то, что переводчики административного суда входят в административную коллегию.

Р4: Переводчики административного суда входят и в административную коллегию. Но им очень тяжело работать. До сих пор они переводили все жалобы заключённых, которые те пишут по 20 по 30 листов от руки, а то ещё и кровью. Всякое бывает, потому что там и психически больные люди.

Р1 и Р6 заявили, что система организации перевода в судах не позволяет переводчикам качественно выполнять свои обязанности.

Р1: Устный перевод обычно начитывается на текст переводимого. Переводим синхронно. Всё идет в два голоса и публика в зале жалуется, что ничего не понятно - за исключением вопросов и ответов, которые я сначала слушаю до конца, затем перевожу.

Р6: Я хочу сказать, что у судебных переводчиков нет условий для того, чтобы они могли делать качественный перевод. Для того, чтобы это был синхрон, нужны кабинки. Но чтобы оборудовать все суды кабинками с наушниками, для

этого нужно огромное количество денег, естественно, этого никто не хочет делать. Чтобы был нормальный последовательный перевод, судья должен делать паузы. Судья должен проговорить, остановиться и судебный переводчик должен перевести.

Однако Р6 также отметил, что специфика работы переводчиков может отличаться в зависимости от суда. В частности, Р6 отметил, что в суде первой инстанции перевод выполняется синхронно, без пауз, а в суде второй инстанции – последовательно. В этом пункте мнения Р6 и Р4 кардинально расходятся, потому что Р4 отметил, что перевод в окружном суде, суде второй инстанции, выполняется синхронно. Однако, возможно, причина подобного расхождения во мнениях заключается в том, что Р4 сам заявил о своём требовании, чтобы перевод происходил в форме последовательного.

Р6: Вот в окружном суде, когда я переводила, там было именно так. Не знаю, может быть, потому что я вот так поставила. Потому что я приходила и сразу говорила, что если мы хотим, чтобы был качественный перевод, я прошу судью делать паузы. Иначе я просто не ручаюсь за качество перевода. Но зачастую, не все судьи такие. Несколько раз да, делала паузы. Потому что в окружном суде, как правило, рассматриваются дела, которые уже идут на обжалование. То есть если дело пошло в окружной суд, это значит или прокурор или тот, кого осудили, подаёт на обжалование. Поэтому там судья сам хочет всё понять, и он сам заинтересован делать паузу. Но насколько я знаю вот в нашем суде первой инстанции, там никто никаких остановок не делает, и эти бедные переводчики и бедные сами люди, у которых тоже каша в голове.

4.3.5 Точность перевода. Выбор между дословным переводом и переводом по смыслу

Р1, Р3, Р4, Р5 и Р6 придерживаются мнения, что переводить следует прежде всего смысл сказанного или написанного и оформлять этот смысл в максимальном соответствии со сказанным.

Р1: Переводчик всегда переводит в первую очередь смысл сказанного или написанного и оформляет этот смысл в максимальном соответствии со сказанным. Переводим с максимальной точностью. 100%-ное соответствие имеет меньше половины слов в любом языке, а из выражений и словосочетаний – почти ни одно.

Р5: Я считаю, что нужно лавировать. И в то же время нужно стараться как можно более доступными словами и как можно более ясно разъяснять смысл подсудимому. Главное всё-таки смысл. Но ближе к оригиналу.

Р3 отметил, что выбор между дословным переводом и переводом по смыслу также зависит от темпа говорящего и индивидуального стиля выражения мысли.

Р3: Это опять-таки в зависимости от темпа говорящего. Если там очень много воды, ненужного, слов-паразитов, то их просто выбрасываю, то есть перевожу смысл. А если простенький текст, то обычно успеваем переводить абсолютно дословно. Это смотря, как получится. Если мы видим, что мы не успеваем, и смысл-то сам малюсенький, то по смыслу переводим.

Р6 отметил, что несмотря на то, что согласно общепринятым правилам переводчик должен переводить сказанное чётко и ясно, ничего от себя не добавляя и не сокращая, в некоторых случаях добавления уместны. Таким образом, переводчик выходит за рамки нейтрального языкового посредника, так как самостоятельно принимает решения о том, как следует переводить и «редактирует» оригинал, объясняя это творческим характером своей профессии.

Р6: Я часто грешу, перевожу на более красочный язык, чем говорят прокуроры. В этом доме есть несколько людей, которых это очень раздражает. И меня эти люди несколько раз упрекали в том, что переводчик не объясняет и не дополняет ничего от себя. Для меня этот творческий момент очень важен, поэтому я частенько, если чувствую, что оно к месту, и оно мысль прокурора сделает для человека ещё более понятной и оно сделает его высказывание ещё более эмоционально сильным, я добавляю от себя, хотя этого сказано не было.

Р6: Я говорю проще. Ноя не уверена, что я делаю правильно. Потому что если я начну человека обсыпать этими терминами, он вообще ничего не поймёт. Надо делать на это скидку. Я всё-таки перевожу более простым языком. Например, есть выражение «условное тюремное заключение», но это разговорный язык. Ну не разговорный, а в каком-то документе будет сказано, например «3 месяца тюремного заключения, которые не будут приведены в исполнение при условии, что в течение испытательного срока.» То есть, в принципе я могу перевести и так человеку, но он может озадачиться, не приведены в исполнение, это что такое. Тогда я ему говорю, что 3 месяца условного тюремного заключения с испытательным сроком. Немножко упрощаю. Хотя, наверно, это неправильно.

Р7, Р8 и Р10 придерживаются мнения, что выбор между дословным переводом и переводом по смыслу зависит от ситуации, участников судопроизводства и опыта переводчика.

P10: *Если по тексту, тогда слово в слово. Если устный перевод, в зависимости от судьи, конечно, пытаешься слово в слово перевести, но если она уж там совсем несётся, тогда просто общими словами. Но я, в основном, пытаюсь слово в слово переводить. Есть слова паразиты, которые ты не переводишь. Кто экает, кто акает, но в основном всё зависит от ситуации и от судьи.*

P2 и P9 придерживаются мнения, что следует переводить буквально, слово в слово.

P2: *Стараясь переводить слово в слово.*

P9: *Желательно переводить буквально.*

Из ответов респондентов мы видим, что мнения по поводу выбора между дословным и переводом по смыслу разделились. Половина респондентов (P1, P3, P4, P5, P6) придерживаются мнения, что переводить следует прежде всего смысл сказанного или написанного и оформлять этот смысл в максимальном соответствии со сказанным. Трое респондентов (P7, P8, P10) считают, что выбор между дословным переводом и переводом по смыслу зависит от ситуации, участников судопроизводства и опыта переводчика. 2 респондента (P2, P9) считают, что следует переводить дословно, слово в слово.

4.3.6 Перевод от 1-ого или 3-его лица?

Большинство переводчиков, работающих в суде, однозначно ответили, что перевод происходит от первого лица и никаким другим образом. Один из переводчиков отметил, что это зависит от обстоятельств и от рассматриваемого дела. Речь обвиняемого или свидетеля следует переводить от первого лица, а речь прокурора и судьи – от третьего. При рассмотрении гражданских дел всех участников судебного процесса следует переводить от третьего лица.

P2: *Сейчас я подумаю... Тоже опять-таки зависит от обстоятельств. Если обвиняемый, например, говорит, то мы переводим его от первого лица, я, допустим, то сделал или этого не делал, а в отношении, допустим, прокурора, мы говорим, что прокурор задаёт Вам такой-то вопрос. Или судья просит Вас уточнить то-то. То есть зависит от обстоятельств. Например, в гражданском процессе, то там апеллант, респондент. Респондент задаёт Вам такой-то вопрос. Потому что, иногда бывает даже возникает путаница, когда от себя переводят, они не понимают, кому отвечать.*

Переводчики, работающие в прокуратуре, отметили, что в прокуратуре перевод происходит от третьего лица, а в суде – от первого.

P10: В прокуратуре надо от 3- ого лица. То есть прокурор сказал. Я в суде столкнулась с тем, что надо переводить от первого лица. Потому что секретарь судебного заседания записывает всё в протокол. Сначала очень тяжело переключиться психологически.

4.3.7 Точность перевода. Редактирование текста оригинала.

Большинство респондентов (P2, P3, P4, P5, P7, P8, P9, P10) однозначно ответили, что переводчик не имеет права сокращать ответы обвиняемого и свидетеля. P1 отметил, что хотя у переводчика и нет права сокращать ответы, иногда такие ситуации допускаются.

P1: В принципе переводчик не имеет права сокращать ответы, но если по умолчанию все лица в процессе понимают, что остальное лишнее, то такой перевод допускается.

P6 отметил, что данный вопрос зависит от обстоятельств, подчеркнув, что поскольку большинство судей понимают русский язык, то и переводить каждый нюанс речи не имеет смысла.

P6: Всё зависит. На допросе надо переводить всё. Здесь важно каждое слово. Вот, например, человек говорит сначала, нет я не знаю, я не помню. А потом говорит, нет, всё-таки я помню. То тогда, должна ли ты перевести также. Предположим. По идее всё надо перевести, потому что для судьи, который это потом читает, ему это будет потом красноречиво говорить, что человек метался. То он говорил, что не помню, потом что-то он вспомнил. Это дополнительный характеризующий материал. В допросе я считаю, что надо переводить всё буквально, аа, ээ, если немного задумался. Но, как правило, прокурор это сам слышит. У нас в доме половина наверно всё-таки владеет хорошо русским языком. Они, может, не настолько хорошо изъясняются, но они понимают его. И поэтому чаще всего мы им переводим, но они слышат, и если какой-то момент они не поняли, то они точно просят, вот переведи вот эту фразу конкретно. И тогда я перевожу.

Переводчики, работающие в окружном и уездном суде, придерживаются мнения, что переводчик не должен исправлять ошибки исходного текста.

Переводчики, работающие в прокуратуре, отметили, что иногда сталкиваются с ошибками в обвинительных актах или иных документах и делают исправления, предварительно проинформировав об этом прокурора.

Р6: Я очень часто раздражаюсь, потому что я лезу и поправляю. Я не боюсь получить по голове, в этом смысле я в себе уверена. И если я вижу, что действительно неправильно, то я скажу. Хотя я вижу, что это не нравится. У меня бывают периодически конфликты. И в письменных документах мы исправляем иногда ошибки. Но иногда, зная человека, прямо не хочется исправлять. Когда видишь явное несоответствие какое-то, элементарно, в начале документа одна фамилия, а в конце документа другая, просто copy paste сделал. Поэтому тут выбирай, или будешь слепо повторять или исправлять.

Р1 подчеркнул, что переводчик только переводит и не разъясняет терминологию.

Р1: Переводчик должен работать по возможности максимально технически, да и по причине скорости нет у переводчика особо времени для своего мнения.

Р2, Р3 и Р4 отметили, что между переводчиком и судьёй во время судебного процесса происходит невербальное общение, то есть, если переводчик замечает ошибку со стороны судьи, то в этом случае он может вопросительно посмотреть на судью и судья поправиться.

Р2: Другое дело, что, если какая-то заведомая ошибка, мы можем просто вопросительно посмотреть на судью и в какой-то момент уточнить, что я правильно расслышал? Именно это Вы имели в виду? Иногда бывает, что люди просто поправляются, понимают, что ошиблись, что-то уточняют.

Р3: С судьями у нас глазная связь. Если у меня возникает вопрос, то я посмотрю на судью. Судьи у нас все на русском понимают. Но если у судьи вопрос, как правило, он быстро на меня смотрит. Тогда я понимаю: так, тут непонятно было. Это выработалось с годами. Это надо знать человека, с которым работаешь. То есть реакцию и всё такое.

4.3.8 Ошибки переводчика

Большинство наших респондентов (Р1, Р2, Р3, Р4, Р5, Р6, Р7, Р8 и Р10) придерживаются мнения, что переводчик имеет право на ошибку. Один из

респондентов, однако, подчекнул, что переводчик не имеет права на ошибку, если же переводчик всё-таки ошибся, следует извиниться и исправиться. P1 также отдельно отметил, что ошибка переводчика всегда будет замечена той стороной, не в пользу которой была сделана ошибка.

P1: Извиняюсь, затем перевожу правильно, если замечаю, конечно, но ошибку переводчика обязательно заметит та сторона, не в пользу которого переводчик ошибся.

P9: Прежде всего, переводчик не должен ошибаться. Зачастую темп настолько быстрый, что исправиться и вернуться назад невозможно, однако если ошибся, то следует поправиться. У меня таких ситуаций не было.

4.3.9 Роль переводчика во время судебного заседания

P1 и P7 определили роль переводчика во время судебного заседания как **вспомогательную**. P2 и P8 определили роль переводчика как **незаменимую**.

P1: Роль переводчика прежде всего вспомогательная. Предпочтительно, конечно, оставаться в тени. Это показывает профессиональность переводчика. Терминология разъясняется по просьбе лица и с разрешения суда, обычно судья сам(а) разъясняет терминологию.

P2: Если переводчика нет, то заседание не состоится, так что мы не самый незначительный винтик в судебной машине.

P1, P3, P4, P8 и P9 отметили, что задача переводчика во время судебного заседания ограничивается переводом. Переоценивают роль переводчика обычно участники процесса, не владеющие или владеющие плохо тем или иным языком. Некоторые участники судебного процесса, напротив, недооценивают роль судебного переводчика, не учитывая того, что работают с переводчиком.

P9: Иногда роль судебного переводчика недооценивают. Лица, участвующие в процессе, иногда не учитывают того, что работают с переводчиком.

P3: Не наше дело делать в зале замечания, то есть самодеятельностью нельзя заниматься. Мы просто переводчики. А то, что в зале суда происходит нас не должно касаться, хотя, иногда суд замечания и делает, и если это

действительно мешает моей работе, скажем, в зале люди шумят, то я попрошу их молчать.

P2, P3 и P8 особо отметили, что хотя разъяснение терминологии и не входит в обязанности переводчика, судом подобные действия не запрещаются.

P2: А скажем, не знают, что такое отвод. Тогда им нужно объяснить, что «Вы согласны, чтобы эти люди рассматривали дело? Имеете ли Вы что-то против этих людей?». Потому что их иногда в полный ступор вводит термин отвод, что это такое. Или, допустим, подать ходатайство. Они спрашивают, что это такое.

P3: Например, сейчас объясню. Если, например, у обвиняемого спрашивают: «Есть ли у вас отводы?», очень многие не понимают этого слова. И если суд сам не разъясняет, что это такое, а он смотрит с глупым выражением лица, то тогда я просто говорю: «Ну, вы согласны, что суд в этом составе будет рассматривать ваше дело?». Да, да, да, да. Тогда всё ясно. И не понимают, например, слово ходатайство. Многие понимают, но есть много таких, кто не понимает. То есть, хотя мы не должны, и это как бы не положено, но, например, на нас никто не обижался и замечаний тоже никто не делал. Так что такое можно.

P8: Да, скорее предпочитаю оставаться незаметным. В принципе могу объяснить что-то заинтересованной стороне, но мне это не надо.

Хотя наши респонденты отмечали, что роль переводчика на заседании суда не выходит за рамки языкового посредничества, иногда возникают ситуации, когда переводчик вынужден принимать меры по регулированию процесса перевода, хотя и не имеет таких полномочий:

P4: Некоторые обвиняемые очень активно слушают. Я чувствую обратную связь и тогда мне намного проще работать. Но если обвиняемый долго не реагирует, то я даже позволяю себе повышать голос и громко говорю: «Суд спрашивает у вас!». Бывали случаи, когда просто прекращала переводить. Потому что если суд не принимает никаких мер, то нам ничего больше не остаётся. Мы ведь не имеем право руководить процессом.

P2, P4, P5, P6, P9 и P10 скорее придерживаются мнения о том, что переводчик принимает активную позицию во время судебного заседания. P2 отметил, что переводчик может сам разъяснить какие-то организационные моменты обвиняемому, если сочтёт это необходимым, как до начала, так и во время судебного заседания.

Р2: Особенно, когда были случаи, что во время заседания обвиняемые отказывались от своей жалобы, тогда они не знали, когда они могут вставить своё слово. И им обычно мы объясняем перед заседанием, что если Вы хотите отказаться, то когда у вас спросят, есть ли у вас какие-то ходатайства, сразу высказывайте свою точку зрения, что вы хотите отказаться.

Р2: А в суде первой инстанции было такое, что когда давали показания какие-то, то начинали давать ответ переводчику, на что переводчик им совершенно резонно замечал, что «Вы давайте суду ответ, Вы ведь не со мной разговариваете, я только перевожу».

Р4 и Р6 считают, что положение судебного переводчика в Эстонии по сравнению с другими европейскими странами плачевно, и что роль судебного переводчика недооценивается. Р4 и Р6 разделяют мнение о том, что нужно в корне менять отношение к переводчику.

Р4: Везде отношение к профессии переводчика намного лучше, чем в Эстонии. Переводчик – это специалист высочайшей категории. Дело в том, что когда мы работали ещё в городском суде, то тогда был новый законопроект, согласно которому наша зарплата зависела от зарплаты судей. Секретарь – 30% от зарплаты судьи, переводчик – 40%. Всё-таки мы были выше, мы и сейчас выше секретарей. Но этот проект не прошёл. Причём из-за судей. И судья нашего же дома тогда высказалась по этому поводу. И даже советник министерства юстиции, бывший теперь, заявил, что переводчик – это орудие труда судьи. А о чём тогда говорить, если переводчик – это орудие.

Р6: А судьи по какой-то причине к переводчикам относятся как к уборщикам или как к водителям. Они считают, что это технический персонал. А везде в Европе переводчик считается специалистом высшей категории. Если ты знаешь систему EPSO, то переводчик идёт как AS4, AS5. А если это синхронный переводчик на конференции, то это, по-моему, идёт как AS7 категория. В то время как референт идёт AS1, AS2. А переводчик уже совсем другая категория идёт. А у нас к переводчику относятся как ...ну это вот пережиток всё-таки советского времени, я считаю. Что всё-таки у нас переводчики незаслуженно получают мало, и выживают только за счёт халтур.

Р6 также отметил, что роль переводчика зависит ещё и от степени знания судьёй языка обвиняемого или свидетеля. На судебных заседаниях, где вторым рабочим языком помимо государственного является английский, роль переводчика приобретает очень важное значение.

Р6: Но, как правило, с английским языком на заседании наши судьи ведут себя более скромно, потому что они не настолько уверенно уже чувствуют себя, они, как правило, все старой закваски, у них хороший русский и естественно эстонский. Английский они не очень знают, поэтому тут роль переводчика для них очень важна. Они слушают внимательно, они пытаются понять. Если он на английском говорит, они тоже слушают. В этой ситуации роль переводчика не чисто формальная, а действительно важна, потому что они просто не понимают. И делают паузы и слушают меня, открыв рот. Иначе они просто не поймут, о чём идёт речь.

Р6 также выразил надежду, что в ближайшем будущем с принятием в 2013 году нового закона о публичной службе и ввода квалификационных экзаменов в том числе и для судебных переводчиков, статус переводчика повысится и роль судебного переводчика станет более значимой.

4.3.10 Особенности профессии судебного переводчика

Все 10 респондентов отметили, что судебный переводчик в своей повседневной работе сталкивается с рядом трудностей. Судебным переводчиком могут работать не все, так как для этой работы нужно обладать талантом, крепкой нервной системой и многими другими качествами.

Р2: Сложно сказать. Наверно это всё-таки в первую очередь должен быть какой-то талант у человека. Данные должны быть. Был один замечательный переводчик, который когда-то так описал технологию синхронного перевода: «Человек должен быть чуть-чуть сумасшедшим», то есть он должен предугадывать то, что говорят другие, и настолько у него вот этот выключатель, переключатель языков должен хорошо работать, чтобы он не путался и не паниковал. Нервная система должна быть очень крепкая. Ах, да, ещё вот кстати, что с моей точки зрения важно в работе переводчика, это то, что переводчик должен быть человеком сомневающимся.

Р4: Это тоже надо учитывать судебному переводчику, что падения будут, и трудности, и порой просто думаешь, что больше не могу, не хочу, но надо собираться и идти дальше. То есть мы не можем сказать, что мы выбрали эту профессию, она нас выбрала, но она нас крепко к себе и привязала. Но значит всё-таки мы считаем, что у нас есть какие-то задатки людей, для которых это призвание. А всё остальное – это эмоции.

P1, P2, P3, P4, P5, P9 и P10 подчеркнули, что в работе судебного переводчика очень значимую роль играет опыт, а также знание специальной терминологии, которое приходит с опытом.

P2, P3 и P4 особо отметили важность преодоления психологического барьера, страха перед публичными выступлениями, а также умение отключаться и снимать с себя напряжение.

P2: Знаете, наверно, трудно немножко психологически поначалу привыкнуть. То есть, вот те, кто знают, что я работаю судебным переводчиком, удивляются, как мы не сходим с ума...от вот этих повреждений, от насилия, от трупов от этих не сходим с ума. Да, вот от каких-то моментов ...особенно, если это убийства.

P3: Чего я больше всего поначалу боялась, когда я только пришла в суд, что господи, я же с преступниками рядом. Если у меня какая-то неприязнь будет или боязнь, или что-то другое, может быть я не смогу работать. Но когда я сходила в первый раз в зал, я заметила для себя с удивлением, что обвиняемый для меня просто человек, нуждающийся в моей помощи. Что помогает всегда, это то, что я человека не обвиняю, я его не оправдываю. Мы не должны себе позволять эмоций.

P4: Да, именно работа в зале – это очень тяжело. Это сейчас мне уже просто стало безразлично. Начинает сказываться усталость. Даже ловлю себя моментами на мысли, что скучно. Но первые полтора года, когда каждый вечер приходя домой, я понимала, что я никакой не переводчик, что мне надо подавать заявление об уходе, и что это не моя работа. Во-первых, я никак не могла построить эту стенку между собой и подсудимым, то есть те судьбы, те дела, которые проходят, я не всегда считала, что это справедливо. Хотя, конечно, я понимаю, что не зная ни нюансов, ничего, я не вправе решать, но это моё, от этого же никуда не уйдёшь. А пропускать через себя, вот это и было состояние, до которого я сама себя доводила. А сейчас, возможно, привыкла, но было очень тяжело. Так что тем, кто это хочет начать, не позавидуешь.

P4, P7 и P8 отметили, что основная сложность работы заключается в очень большом объёме работы.

P8: Самое сложное – это нагрузка, огромный объём работы. Очень важен опыт.

4.3.11 Рекомендации по обучению судебных переводчиков

Все 10 респондентов однозначно заявили, что профессия судебного переводчика – самостоятельная профессия. Однако не все респонденты посчитали обучение судебному переводу необходимым.

Более половины респондентов заявили, что специальное обучение необязательно, скорее важен опыт и наличие у судебного переводчика особых качества. Один отметил, что подготовить к работе судебного переводчика практически невозможно.

P1 и P9 отметили, что судебных переводчиков следует готовить по сферам деятельности, например, кто-то переводил бы экономические преступления, кто-то преступления против личности и т.д.

Респонденты подчеркивали важность как филологической, так и юридической подготовки, обращая особое внимание на владение юридической терминологией.

P6 обратил особое внимание на необходимость организации перевода в суде по нормальным, действующим везде законам.

P5: Да, я считаю, что следовало бы обучать судебных переводчиков отдельно. Здесь ведь определённая лексика и специализированные юридические термины, которые иной раз с русской грамматикой не состыкуются. Нужно как-то лавировать, чтобы и грамматически было правильно, и термин был юридически правильный. Я думаю, что важно как лингвистическое образование, так и знание терминологии. Я не филолог, но я думаю, что и то, и другое важно. Быть хорошим филологом, но не знать юридических терминов, это тоже никак. Наоборот ещё как-то, наверно, можно.

P9: Особенно важна юридическая подготовка. Плюс переводчик должен быть в курсе законодательства. Если человек имеет филологическое образование, но не знаком с правовой терминологией, то перевод не будет качественным. Переводчик должен очень хорошо владеть языком и должен иметь широкий кругозор, а также интересоваться происходящим в мире, следить за новостями, обладать информацией. Чем большей информацией о внешнем мире обладает переводчик, тем больше он понимает происходящее.

4.4 Результаты наблюдений в суде

В рамках исследования автор магистерской работы присутствовал на одном судебном заседании в Харьюском уездном суде (Лийвалайаский дом суда) и на трёх судебных заседаниях в Таллиннском окружном суде.

Изначально мы планировали посетить 6 заседаний, но перед началом двух судебных заседаний в Харьюском уездном суде выяснилось, что переводчик на заседании не требуется, хотя данные судебные заседания значились в расписании переводчиков.

На всех судебных заседаниях рассматривались уголовные дела. На заседании в Харьюском уездном суде присутствовали судья, прокурор, защитник, обвиняемый, переводчик, представитель потерпевшего и секретарь судебного заседания. На заседаниях в Таллиннском окружном суде присутствовали трое судей, прокурор, защитник, обвиняемый/подсудимый, переводчик и секретарь судебного заседания. На одном из судебных заседаний окружного суда также присутствовал свидетель защиты.

Во время судебных заседаний в окружном суде переводчик свободно передвигался по залу, принимая решение о своём передвижении самостоятельно. Данное наблюдение соответствует заявлениям респондентов P1 и P2 и расходиться с мнением P10 о том, что переводчик переводит только для обвиняемого и не перемещается по залу. Несмотря на то, что во время подготовки к интервью вопрос о передвижении переводчика во время судебного заседания не был отдельно поставлен, на эту особенность организации своей работы некоторые из респондентов внимание обращали, поэтому мы считаем важным включить данное наблюдение в работу. Во время оглашения заявлений и ходатайств

обвиняемого/подсудимого переводчик подходил к секретарю судебного заседания. Во время речи судьи, прокурора и адвоката переводчик стоял у барьера обвиняемого/подсудимого. Во время дачи показаний свидетелем переводчик также стоял у барьера обвиняемого/подсудимого.

На всех судебных заседаниях как в уездном, так и окружном суде, переводчик переводил синхронно. Рабочими языками были эстонский и русский.

Во время одного из заседаний в окружном суде переводчик порекомендовал обвиняемому встать во время дачи показаний суду, то есть разъяснил регламент судебного заседания, а после окончания заседания объяснил, где находится канцелярия. Данное наблюдение также соответствует результатам анализа интервью и подтверждает тот факт, что хотя роль переводчика и ограничивается переводом, иногда переводчик может разъяснять обвиняемому организационные моменты.

Во время судебного заседания в уездном суде переводчик сидел на скамейке рядом с обвиняемым на протяжении всего процесса. Данное наблюдение соответствует заявлению P10 о том, что переводчик не перемещается по залу суда во время заседания, и расходится с мнениями P1 и P2, которые считают, что переводчик может свободно перемещаться.

На заседаниях в окружном суде судьи, прокурор и адвокат учитывали, что в судебном процессе участвует переводчик и говорили размеренно, чётко и ясно. Судья, прокурор и адвокат следили за тем, успевает ли переводчик выполнять свою работу.

На заседании уездного суда у наблюдателя создалось впечатление, что участники судебного процесса не учитывали факт присутствия переводчика, и переводчик присутствовал только для обвиняемого. Темп речи судьи, прокурора и адвоката показался наблюдателю слишком быстрым.

Во время дачи показаний свидетелем на одном из заседаний в окружном суде переводчик переводил только речь судьи свидетелю, и не переводил речь

свидетеля судье. Из этого мы делаем вывод, что судья владеет русским языком и не нуждается в переводе. По-видимому, такой порядок был оговорён заранее и преследовал цели экономии времени.

Наблюдатель отметил, что слышимость в зале для публики затруднена, поскольку перевод «начитывается» на речь лица, высказывания которого переводятся. Данное наблюдение подтверждает заявления некоторых респондентов по поводу качества перевода в суде. Также наблюдатель отметил, что переводчик всегда говорит тише, чем другие участники процесса, и поэтому легче слушать оригинал. Также очень многое зависит от тембра голоса как переводчика, так и остальных участников процесса.

Наблюдатель также отметил, что в некоторых случаях судья переходил на язык обвиняемого/подсудимого. Например, во время ходатайств подсудимого на заседании окружного суда судья задал ему уточняющий вопрос на русском языке. А также во время одного из заседаний окружного суда обвиняемый задал суду вопрос, касающийся организации процесса, на который судья ответил на русском языке.

4.5 Анализ результатов

Поскольку «каждое исследование уникально, то и аналитический подход тоже уникален» (Miles & Huberman 1994, 433), а анализ результатов исследования является, возможно, самым трудоёмким и наименее изученным аспектом процесса качественного исследования (McCracken 1988, 41). При этом сбор и анализ данных качественного исследования происходит параллельно с формированием теорий и тем исследования (Erlandson et al 1993, 109).

Как отмечалось в описательной части исследования, вопросы интервью делились на тематические блоки. Первый блок вопросов касался прав и обязанностей переводчиков, а также самопредставления переводчиков о своей роли во время судебного заседания, второй блок вопросов касался точности перевода и конкретных действий переводчика в той или иной ситуации, а третий последний

блок вопросов касался профессии судебного переводчика в целом, необходимости или неостребованности обучения судебному переводу, и особых сложностей в работе судебного переводчика.

4.5.1 Права и обязанности судебного переводчика

В результате исследования подтвердился факт, что в круг обязанностей судебных переводчиков, работающих в Харьюском уездном суде, в Таллинском окружном суде и в прокуратуре Северного округа Эстонии, согласно должностной инструкции переводчика, входит выполнение как устного перевода на судебных заседаниях, так и письменного перевода с эстонского на русский и с русского на эстонский. Переводчиков прокуратуры также иногда вызывают для устного перевода в тюрьму. Данное обстоятельство подтверждает заключение К. Кару о том, что «поскольку в обязанности переводчиков, работающих в государственных учреждениях Эстонии, входит также выполнение письменных переводов, то можно сказать, что в Эстонии нет сформировавшейся профессии социального переводчика в классическом понимании. Таким образом, применительно к Эстонии можно говорить о специфической ситуации: круг обязанностей социального переводчика оказывается шире, чем в других странах мира, где подобный вид переводческих услуг предоставляется регулярно» (Кару 2011, 116).

Поскольку судебный перевод является подвидом социального, то мы считаем, что данное заключение справедливо и по отношению к судебному переводу.

Из ответов респондентов можно заключить, что условия труда судебных переводчиков в судах первой и второй инстанции различаются. Условия труда в суде второй инстанции лучше, чем в суде первой инстанции. В частности, особое внимание респонденты уделили возможности подготовки к судебным заседаниям, а также внимательному отношению судей к работе переводчика (P2, P3, P4). Переводчики, работающие в суде второй инстанции и в прокуратуре, заявили, что программу судебных заседаний они получают заранее и поэтому имеют возможность подготовиться. Многие из переводчиков, работающих в суде второй инстанции, подтвердили, что переводчики, работающие в суде первой инстанции,

не имеют возможности подготовки к судебным заседаниям, в чём и заключается главная сложность в их работе.

Также, из ответов респондентов можно сделать вывод, что качество перевода напрямую зависит от условий работы судебных переводчиков (P1, P4, P6).

Все респонденты ответили, что судебный переводчик обладает обычными правами работника общественного сектора. Специфических прав у переводчика нет. Переводчик обязан выполнять свою работу и не имеет права отказаться от выполнения своих обязанностей.

Все 10 респондентов ответили, что переводчик имеет право переспросить, если не расслышал и задавать уточняющие вопросы, однако просьба переводчика о перерыве считается нежелательной и поэтому с такой просьбой переводчики стараются к суду не обращаться. На данное обстоятельство обратили внимание многие наши респонденты (P1, P2, P3, P4, P6, P10).

Этот вывод идёт вразрез с Пунктом 8 Этического кодекса и профессиональных обязанностей национальной ассоциации судебных Переводчиков (NAJIT), в котором сказано, что «Устные и письменные судебные переводчики должны довести до сведения суда любые обстоятельства, которые могут воспрепятствовать полному соответствию всем вышеприведённым правилам кодекса, включая усталость переводчика, неспособность переводчика слышать, или недостаточное знание специальной терминологии, и должны отказаться от работы или особых заданий, если подобные обстоятельства могут привести к несоответствию правилам кодекса» (NAJIT, 2005).

Работа судебных переводчиков Эстонии не регламентируется подобным этическим кодексом. Однако мы считаем важным обратить внимание на то, что усталость переводчика напрямую влияет на качество перевода, поэтому данное обстоятельство следует принимать во внимание.

4.5.2 Роль судебного переводчика

Мнения респондентов по поводу выбора между дословным и переводом по смыслу разделились. 5 респондентов (P1, P3, P4, P5, P6) придерживаются мнения, что переводить следует прежде всего смысл сказанного или написанного и оформлять этот смысл в максимальном соответствии со сказанным. 3 респондентов (P7, P8, P10) считают, что выбор между дословным переводом и переводом по смыслу зависит от ситуации, участников судопроизводства и опыта переводчика. 2 респондента (P2, P9) считают, что следует переводить дословно, слово в слово.

Большинство респондентов (P2, P3, P4, P5, P7, P8, P9, P10) однозначно ответили, что переводчик не имеет права сокращать ответы обвиняемого и свидетеля.

Переводчики, работающие в окружном и уездном суде, придерживаются мнения, что переводчик не должен редактировать ошибки в тексте. Переводчики, работающие в прокуратуре, отметили, что иногда сталкиваются с ошибками в обвинительных актах или иных документах и делают исправления, предварительно проинформировав об этом прокурора.

Также большинство наших респондентов отметили, что переводчик имеет право на ошибку, но в этом случае необходимо извиниться перед судом и исправиться (P1, P2, P3, P4, P5, P6, P7, P8, P10).

Таким образом, результаты нашего исследования подтверждают точку зрения С. Хейл, Х. Миккельсон, К. Ластер и В. Л. Тэйлор, Р. Дуэнас Гонзалеса и А. Б. Едвардс, которые считают, что первостепенной задачей переводчика является передача текста языка оригинала на язык перевода с максимальной точностью (S. Hale 2004; Mikkelson 2000; Laster & Taylor 1994; Duenas Gonzalez 1991; Edwards 1995).

Половина наших респондентов отметила, что задача переводчика ограничивается языковым посредничеством (P1, P3, P4, P8, P9).

Некоторые переводчики (P1, P3, P6, P8) считают, что хотя согласно общепринятым правилам переводчик должен переводить сказанное чётко и ясно, ничего от себя не добавляя и не сокращая, в некоторых случаях добавления или сокращения уместны. Таким образом, переводчик выходит за рамки нейтрального языкового посредника, так как самостоятельно принимает решения о том, как следует переводить и «редактирует» оригинал.

Хотя наши респонденты (P2, P4, P6) отмечали, что роль переводчика на заседании суда не выходит за рамки языкового посредничества, иногда возникают ситуации, когда переводчик вынужден принимать меры по регулированию процесса перевода, хотя и не имеет таких полномочий.

Некоторые респонденты (P2, P3, P8) отметили, что хотя разъяснение терминологии и не входит в обязанности переводчика, судом подобные действия не запрещаются.

Несмотря на общепринятое правило о том, что перевод всегда происходит от первого лица, некоторые из наших респондентов заметили, что этот вопрос зависит от обстоятельств и от рассматриваемого дела. Большинство переводчиков, работающих в суде, однозначно ответили, что перевод происходит от первого лица и никаким другим образом. Переводчики, работающие в прокуратуре, отметили, что в прокуратуре перевод происходит от третьего лица, а в суде – от первого.

Таким образом, результаты нашего исследования подтверждают вывод С. Берк-Селигсон и Р. Моррис о том, что переводчик является неотъемлемой частью судебного процесса (Berk-Seligson 1990, Morris 1995). Также наши результаты совпадают с результатами исследований В. Биаси (Vilela Biasi 2003), С. Хейл (Hale 2004) и Б. Якобсен (Jacobsen 2003), которые показали, что несмотря на предписания закона и регламент судебного перевода во многих странах, согласно законам которых переводчик является всего лишь языковым посредником, в действительности переводчик зачастую выходит за рамки «невидимого» языкового посредника.

4.5.3 Обучение судебных переводчиков

Все 10 респондентов однозначно заявили, что профессия судебного переводчика – самостоятельная профессия. Р1 и Р9 отметили, что обучение необходимо, и судебных переводчиков следует готовить по сферам специализации, например, для перевода экономических преступлений, преступлений против личности и т.д. Однако не все респонденты считают, что судебные переводчики нуждаются в специальном обучении.

Из ответов респондентов можно заключить, что судебным переводчиком могут работать не все, так как для этой работы нужно обладать талантом, крепкой нервной системой и многими другими качествами. Р2, Р3 и Р4 особо отметили важность преодоления психологического барьера, страха перед публичными выступлениями, а также умение отключаться и снимать с себя напряжение.

Большинство респондентов сходится во мнении, что в работе судебного переводчика очень важную роль играет опыт, а также знание специальной терминологии, которое приходит с опытом.

5. Выводы и обсуждение

5.1 Общие выводы

Целью данного исследования было выяснить, какие стратегии выбирают судебные переводчики Эстонии в условиях необходимости качественно выполнять свои обязанности и отсутствия чёткого руководства к действию. Также нашей целью было выяснить, каким образом достигается качество предоставляемых переводческих услуг.

На основании анализа результатов исследования можно сделать вывод, что судебные переводчики, работающие в Харьюском уездном суде, Таллиннском окружном суде и в прокуратуре Северного округа Эстонии неодинаково видят свою роль во время судебного заседания. Половина наших респондентов придерживается мнения, что переводчик является «невидимым» языковым посредником, задачей которого является передача текста языка оригинала на язык перевода с максимальной точностью. Другие опрошенные считают, что переводчик является полноценным участником коммуникации, который может выходить за рамки языкового посредничества, при необходимости разъясняя терминологию или организационные моменты заинтересованной стороне.

Следовательно, мы не можем утверждать, что все переводчики выбирают одинаковую стратегию поведения в той или иной ситуации. Выбор стратегий зависит от многих факторов, в том числе от самопредставления переводчика о своей роли во время судебного заседания, условий труда, отношения судьи, прокурора, адвоката и реакции зависимой от перевода стороны. В процессе исследования выяснилось, что качество работы судебных переводчиков напрямую зависит от условий труда. Очень важную роль играет возможность

ознакомления с материалами дела, а также внимательное отношение к работе переводчика со стороны других участников судебного процесса.

Работа судебных переводчиков Эстонии не регламентирована этическим кодексом, в котором были бы подробно описаны действия судебного переводчика в той или иной ситуации. Помимо должностной инструкции существуют негласные правила, которые, однако, нельзя абсолютизировать.

Среди опрошенных нами респондентов только один обладает специальным образованием по специальности устного и письменного перевода. Несмотря на это, большинство судебных переводчиков не считает специальное обучение обязательным условием. Из ответов наших респондентов можно заключить, что крайне важным в работе судебного переводчика является опыт и наличие особых качеств, таких как талант, крепкая нервная система, умение преодолевать психологический барьер и страх перед публичными выступлениями, а также стрессоустойчивость.

Таким образом, наше исследование подтверждает точку зрения Х. Миккельсон (Mikkelson 1998, 2000), С. Берк-Селигсон (Berg-Seligson 1990), Р. Моррис (Morris 1993, 1995), С. Ваденшё (Wadensjö 1998), Е. Гоффман (Goffman 1981), М. Дж. Редди (Reddy 1979), М. Джованнини (Giovannini 1992) о том, что единогласия в отношении функций судебного переводчика не существует.

Мы считаем, что непротиворечивое понимание своей роли как самими судебными переводчиками, так и представителями юридической профессии является одним из главных условий качества перевода, что, в свою очередь, является непременным условием эффективности судебного процесса.

5.2 Рекомендации для дальнейших исследований

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что дальнейшее исследования в области социального, в частности, судебного перевода в Эстонии могут дать плодотворные результаты и иметь практическую ценность. Поскольку

данное исследование проводилось только среди судебных переводчиков, нам удалось получить представление о том, как видят свою роль и обязанности сами переводчики. Мы считаем крайне важным проведение подобного исследования и среди судебных чиновников, работающих с переводчиками, чтобы узнать, как видят роль судебного переводчика работающие с ним представители юридической профессии, а также узнать их оценку качества работы переводчиков.

5.3 Резюме

Представленное в магистерской работе исследование продолжает исследование социального перевода в Эстонии. В данной работе мы придерживались мнения о том, что судебный перевод является подвидом социального, хотя по этому поводу разные исследователи придерживаются разных точек зрения. Поэтому мы также остановились на проблемах классификации подвидов социального перевода и терминологии.

Работа судебных переводчиков регулируется рядом законов, регулирующих в числе прочего языковую поддержку. Таковыми являются «Закон о языке», «Уголовно-процессуальный кодекс», «Административно-процессуальный кодекс», «Гражданский процессуальный кодекс», «Закон о предоставлении международной защиты иностранцам» и «Закон о беженцах». Помимо этого, работа судебных переводчиков регулируется должностной инструкцией, однако из непосредственных служебных обязанностей переводчика в должностной инструкции оговаривается лишь то, что переводчик обязан переводить устно на судебных заседаниях, а также выполнять письменные переводы судебных решений и прочих судебных документов с эстонского языка на русский и с русского на эстонский. Действия и права переводчика в той или иной переводческой ситуации в должностной инструкции не оговариваются.

Таким образом, целью данного исследования было выяснить, какие стратегии выбирают судебные переводчики Эстонии в условиях необходимости

качественно выполнять свои обязанности и отсутствия чёткого руководства к действию, а также, каким образом достигается качество перевода в суде.

Для проведения данного исследования мы использовали два метода сбора информации, метод качественного (качественного) интервью и метод наблюдения. Мы интервьюировали штатных переводчиков Харьюского уездного суда, Таллиннского окружного суда и переводчиков прокуратуры Северного округа Эстонии. Всего в исследовании принимали участие 10 респондентов.

Для проведения данного исследования был использован метод глубинного полуструктурированного интервью. По мнению автора, именно этот вид качественного интервью наиболее подходил для данного исследования, так как обладает высокой степенью совместимости с другими методами, а также высокой степенью гибкости, при этом сохраняя параметры научного метода.

Также в рамках исследования автор магистерской работы присутствовал на одном судебном заседании в Харьюском уездном суде и на трёх заседаниях в Таллиннском окружном суде.

В нашем исследовании наблюдение проводилось после того, как были проведены интервью, сделаны транскрипции и проанализированы результаты. Таким образом, у автора была возможность проверить информацию, полученную в ходе интервьюирования, методом наблюдения. Мы предположили, что результаты, полученные с применением методов качественного интервью и наблюдения, необязательно будут одинаковыми. Наблюдения совпали с результатами интервью лишь частично.

На протяжении всего исследования мы придерживались восьми основных стратегий контроля качества исследования, предложенных Дж. Крессвеллом (Cresswell 2003). Ключевыми принципами стратегий Дж. Крессвелла, при помощи которых достигается валидность исследования, являются триангуляция и рефлексивность.

В результате исследования выяснилось, что судебные переводчики, работающие в Харьюском уездном суде, Таллиннском окружном суде и в прокуратуре Северного округа Эстонии неодинаково видят свою роль во время судебного заседания. Половина наших респондентов придерживается мнения, что переводчик является «невидимым» языковым посредником, задачей которого является передача текста языка оригинала на язык перевода с максимальной точностью. Другие же считают, что переводчик является полноценным участником коммуникации, который может выходить за рамки языкового посредничества, при необходимости разъясняя терминологию или организационные моменты заинтересованной стороне.

Выбор стратегий зависит от многих факторов, в том числе от самопредставления переводчика о своей роли во время судебного заседания, условий труда, отношения судьи, прокурора, адвоката и реакции зависимой от перевода стороны.

В процессе исследования выяснилось, что качество работы судебных переводчиков напрямую зависит от условий труда.

Большинство наших респондентов не считает специальное обучение обязательным условием для успешности работы судебного переводчика, однако многие респонденты подчеркнули важность повышения статуса судебного переводчика, что в свою очередь приведёт к улучшению условий труда и повысит качество работы.

Результаты данного исследования позволяют сделать вывод, что однозначное понимание своей роли как самими судебными переводчиками, так и представителями юридической профессии, является одним из главных условий качества перевода, которое в свою очередь является непременным условием эффективности судебного процесса. Результаты данного исследования важны как для самих судебных переводчиков, так и для повышения осведомлённости судебных чиновников, намечая пути дальнейшего исследования социального перевода в Эстонии.

Литература

- Adler, P. A., & Adler, P. (1994). Observational techniques. In: *Handbook of Qualitative Research, Second Ed.* N.K. Denzin & Y. S. Lincoln (Eds.). Thousand Oaks, CA: Sage.
- Angelelli, C. (2004). *Revisiting the Interpreter's Role*. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Arksey, H., Knight, P. T. (2009). *Interviewing for Social Scientists: an introductory resource with examples*. London: SAGE.
- Barsky, R. F. (1996). The Interpreter as Intercultural Agent in Convention Refugee Hearings. In: *Translator*. Vol 2, Nr. 1. Manchester: St. Jerome.
- Becker, H. S., Geer, B. (1970). Participant Observation and Interviewing: A Comparison. In: *Handbook of Interview Research. Context & Method*. Gubrium, J., Holsten, J. (eds). Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publications.
- Benz, C. R., Newman, I. (1998). *Qualitative-Quantitative Research Methodology. Exploring the Interactive Continuum*. Southern Illinois University Press. Carbondale, IL.
- Berk-Seligson, S. (1990). *The bilingual courtroom: Court interpreters in the judicial process*. University of Chicago Press. Chicago.
- Brenner, M. E. (2006). Interviewing in Educational Research. In: *Handbook of Complementary Methods in Education Research*. J. L. Green, G. Camilli, P. B. Elmore. AERA.
- Briggs, C. L. (1986). *Learning how to ask: a sociolinguistic appraisal of the interview in science research*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Carr et al. (1997). Carr S., Roberts R., Dufour A., Steyn D. *The critical link: Interpreters in the community. Papers from the 1st International Conference on Interpreting in Legal, Health, and Social Service Settings, Geneva Park, Canada, June 1-4, 1995*. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, forthcoming.
- Cresswell, J. W., & Miller, D. L. (2000). Determining validity in qualitative inquiry. Theory into practice. In: *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches*. Cresswell, J. W. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publications (2nd ed.).
- Cresswell, J. W. (2003). *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches*. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publications (2nd ed.).
- Cristoffersen M. N., Andersen B. H. (1982). *Abent Interview: En gennemgang af tidligere anvendelser af ikke-standardiserede, intensive interviewsamtaler*. København:

Studie/Socialforskningsinst. In: *Социологический Журнал. Номер: №3. Полуформализованное интервью.*

Cronbach, L. J. (1988). Five Perspectives on Validity Argument. In: *Test Validity*. H. Wainer, Braun H.I. Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers.

De Leeuw, E. D., Hox, J. J., Dillman, D. A. (2008). *International Handbook of Survey Methodology*. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates.

Delisle, J. (1995). *Translators Through History*. Philadelphia: John Benjamins Publishing

Denzin, N. K. (1997). Interpretive Ethnography: Ethnographic Practices for the 21-st century. Thousand Oaks, CA: Sage. In: *Handbook of Interview Research. Context & Method*. (eds). Gubrium, J., Holsten, J. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publications.

Denzin, N. K., Lincoln, Y. S. (2000). *Handbook of Qualitative Research, Second Ed.* (eds). Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publications.

Erlanson, D. A., Harris, E. L., Skipper, B. L. and Allen, S. D. (1993). *Doing Naturalistic Inquiry: A Guide to Methods*. Newbury Park, CA: Sage Publications.

Fenton, S. (2001). Expressing a Well-Founded Fear: Interpreting in Convention Refugee Hearings. <http://www.refugee.org.nz/Reference/Sabine.html> (01.05.2012).

Flick, U. (1998). *An Introduction to Qualitative Research: Theory, method and applications*. London: Sage Publications.

Fontana, A., Frey, J. H. (2000). The interview: From structured questions to negotiated text. In: *Handbook of qualitative research* (2nd ed.). Denzin, N. K., Lincoln, Y. S. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Garber, N. (1998). Community Interpretation: A Personal View. In: *Critical Link 2, Interpreters in the Community, May 19-23, 1998, Vancouver, BC, Canada*, publication of proceedings pending.

Gentile et al. (1996). *Liaison Interpreting, A Handbook*. Melbourne: Melbourne University Press.

Gentile, A. (1997). Community Interpreting or Not? Practices, Standards and Accreditation. In: *The Critical Link: Interpreters in the Community*. Carr, S., Roberts, R., Dufour, A. and Stein, D. (eds.) Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 109-118.

Glesne, C., Peshkin, A. (1992). *Becoming qualitative researchers: An introduction*. White Plains, NY: Longman.

Gonzalez, R. D., Vasquez, V. F., Mikkelson, H. (1991). *Fundamentals of Court Interpretation: Theory, Policy and Practice*. Durham, N.C.: Carolina Academic Press.

- Gray, D. E. (2009) *Doing Research in the Real World*. 2nd Ed.
- Graziano, A. M., Raulin, L. R. (2004). *Research methods: a process of inquiry*. 5th ed.
- Gubrium, J., Holsten, J. (2002). *Handbook of Interview Research. Context & Method*. (eds). Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publications.
- Hale, S. (2004). *The Discourse of Court Interpreting: Discourse practices of the law, the witness and the interpreter*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Hale, S. (2008). Controversies over the role of the court interpreter. In: *Crossing borders in community interpreting: Definitions and dilemmas*. C. Valero-Garcés, A. Martin (Eds.). Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Hoza, J. (2003). Toward Ethical Sensibility: Three Levels of Ethical Analysis and a Comprehensive Model of Ethical Decision-Making for Interpreters. In: *Journal of Interpretation: Registry of Interpreters for the Deaf*. D. Watson (Ed.), Alexandria, VA: RID Publications.
- Jiang, L. (2007). From Community Interpreting to Discourse Interpreting: Establishing Some Useful Parameters. EU-High-Level Scientific Conference Series. MuTra 2007 – LSP Translation Scenarios: Conference Proceedings. http://www.euroconferences.info/proceedings/2007_Proceedings/2007_Jiang_Lihua.pdf (02.05.2012).
- Juran, J. M. & Gryna, F. M. Jr. (1980). *Quality planning and analysis: From product development through use*. New York, McGraw-Hill.
- Kalina, S. (2002). Interpreters as Professionals. *Across Languages and Cultures* 3(2).
- Kriminaalmenetluse seadustik (2003) Riigi Teataja <https://www.riigiteataja.ee/akt/782861> (02.05.2012).
- Kvale, S. (2007) *Doing interviews*. The SAGE qualitative research kit.
- Laster, K. & Taylor, V. L. (1994). *Interpreters and the Legal System*. The Federation Press Pty Ltd. Leichhardt, NSW.
- Lincoln, Y. S., & Guba, E. G. (1985). *Naturalistic inquiry*. Beverly Hills, CA: Sage.
- McCracken, G. (1988). *The Long Interview*. London: Sage Publications.
- Merlini, R., Favaron R. (2003). Community interpreting: re-conciliation through power management. *The Interpreter Newsletter*. № 12.
- Mikkelsen, H. (1995). On the Horns of a Dilemma: Accuracy vs. Brevity in the Use of Legal Terms by Court Interpreters. In: *Translation and the law*. Edited by M. Morris. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Mikkelson, H. (1996). Community interpreting: an emerging profession. *Interpreting*. Vol. 1.

Mikkelson, H. (1998). Towards a Redefinition of the Role of the Court Interpreter. *Interpreting: International Journal of Research and Practice in Interpreting*. Vol. 3(1)

Mikkelson, H. (1999). Court Interpreting at a Crossroads.
http://works.bepress.com/holly_mikkelson/10 (09.05.2012).

Mikkelson, H. (2004). The Professionalization of Community Interpreting.
<http://aiic.net/ViewPage.cfm/page1546.htm> (20.04.2012).

Mikkelson, H. (2008). Evolving views of the court interpreter's role: Between Scylla and Charybdis. In: *Crossing borders in community interpreting: Definitions and dilemmas*. C. Valero-Garcés, A. Martin (Eds.). Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Mikkelson, H. (2010). Interpreting is Interpreting – Or Is IT?
<http://aiic.net/ViewPage.cfm/page3356.htm> (20.04.2012).

Miles, M. B., Huberman, A. M. (1994). *Qualitative Data Analysis: An Expanded Sourcebook* Thousand Oaks.

Morganstein, D. R., & Marker, D. A. (1997). Continuous quality improvement in statistical agencies. In: *International Handbook of Survey Methodology*. De Leeuw, E. D., Hox, J. J., Dillman, D. A. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates.

Morris, R. (1995). *The Moral Dilemmas of Court Interpreting*. Bar-Ilan University, Israel. St. Jerome Publishing, Manchester.

Niska, H. (1995). Just Interpreting: Role Conflicts and Discourse Types in Court Interpreting. In: *Translation and the law*. Edited by M. Morris. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Niska, H. (2002). Community interpreter training: Past, present, future. In: *Interpreting in 21st Century*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Niska, H. (2007). From helpers to professionals. Training of community interpreters in Sweden. In: *The Critical Link 4: Professionalisation of interpreting in the community. Selected papers from the 4th International Conference on Interpreting in Legal, Health and Social Service Settings, Stockholm, Sweden, 20-23 May 2004*. C. Wadensjö, B. E. Dimitrova, A.-L. Nilsson (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Ozolins, U. (2000). Communication Needs and Interpreting in Multilingual Settings. The International Spectrum of Response. In: *The Critical Link 2: Interpreters in the Community. Selected papers from the Second International Conference on Interpreting in Legal, Health, and Social Service Settings, Vancouver, BC, Canada, 19-23 May 1998*. R. P. Roberts *et al* (eds). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Palma, J. (1989). *Handbook for the Legal Profession: Working with Interpreters*. New York: National Association of Judiciary Interpreters and Translators.

Patton, M. Q. (2002). *Qualitative research and evaluation methods*. (3rd ed.) Thousand Oaks: Sage Publications.

Pistillo, G. (2003) *The Interpreter as Cultural Mediator*. *Journal of Intercultural Communication*, (6).

Pöschker, F. (2001). Quality assessment in conference and community interpreting. Vol. 46. № 2. <http://www.erudit.org/revue/meta/2001/v46/n2/003847ar.pdf> (06.05.2012).

Pöschker, F. (2008). Interpreting as mediation. In: *Crossing borders in community interpreting: Definitions and dilemmas*. C. Valero-Garcés, A. Martin (Eds.). Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Roberts, R. (1994). Community Interpreting Today and Tomorrow. In Peter Krawutschke, ed. *Proceedings of the 35th Annual Conference of the American Translators Association*. Medford, NJ: Learned Information.

Roberts, R. (1997). Community interpreting today and tomorrow. In: *The critical link: Interpreters in the community. Papers from the 1st International Conference on Interpreting in Legal, Health, and Social Service Settings, Geneva Park, Canada, June 1-4, 1995*. edited by Carr S., Roberts R., Dufour A., Steyn D. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Rubin, H. J. & Rubin, I. S. (2005). *Qualitative Interviewing: The Art of Hearing Data*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Shackman, J. (1984). *The Right to be Understood: A Handbook on Working With, Employing and Training Community Interpreters*. Cambridge, England, National Extension College.

Shlesinger, M., Pöschker F. (eds.) (2010) *Doing Justice to Court Interpreting*. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Toledano Buendía, C. *Community interpreting: breaking with the 'norm' through normalisation*. University of La Laguna (Spain). *The Journal of Specialised Translation*. http://www.jostrans.org/issue14/art_toledano.php (01.05.2012).

Trabing, E. M. (2003). *Ethics for Community Interpreters*. Article based on the author's presentation at the Carolina Association of Translators and Interpreters "Ethical Aspects of Community Interpreting" seminar at Durham Tech on November 1, 2003.

Tsiviilkohtumenetluse seadustik (2005) Riigi Teataja
<https://www.riigiteataja.ee/akt/13190218> (01.05.2012)

Tsuda, M. (1995). Interpreting and Translating for Filipino Suspects/Defendants in Japan: Selected Cases and Reflections of a Participant Observer. In: *Philippine Sociological Review*, Vol. 43.

Wadensjö, C. (2009). Community interpreting. In: *Routledge encyclopedia of Translation Studies*. M. Baker, G. Saldanha (Eds.), London: Routledge.

Webb, E., Weick, K. E. (1983). Unobtrusive measures in organizational theory: a reminder. In: *Qualitative Methodology*. J. Van Maanen. (ed.) Beverly Hills, CA: Sage.

Wilson, M., Sapsford, R. (2006). Asking questions. In: *Data Collection and Analysis*. R. Sapsford, V. Jupp (eds.) London: Sage Publications.

Алексеева, И. С. (2010). *Введение в переводоведение*. Санкт-Петербург–Москва.

Аликина, Е. В. (2011). Таксономический аспект устного перевода. Вестник Удмуртского университета. Вып. 2.
http://vestnik.udsu.ru/2011/2011-052/vuu_11_052_09.pdf (02.05.2012).

Веселкова, Н. В. (1994). Полуформализованное интервью. Социологический Журнал. Номер: №3.
<http://95.167.42.103/index.php/home/2009-12-28-09-3136/images/referat/a1863.pdf> (02.05.2012).

Ефремова, Т. Ф. (2000). Толковый словарь русского языка. Москва: Русский язык.

Кару, К. (2011). Социальный перевод в Эстонии: проблемы, вариативность, перспективы развития. *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV. *Развитие и вариативность языка в современном мире*. II. Отв. ред. О. Н. Паликова. Тарту.
http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/handle/10062/21075/humaniora_lingua_russica_xiv.pdf?sequence=1 (02.05.2012).

Кару, К. (2012). Социальный перевод в Департаменте полиции и погранохраны Эстонии: взгляд следователей и переводчиков. Материалы XLI Международной филологической конференции, Санкт-Петербург (в печати).

Романчик, Р. Э. (2011). *Community interpreting*: вариативность терминологического соответствия в русском языке. *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV. *Развитие и вариативность языка в современном мире*. II. Отв. ред. О. Н. Паликова. Тарту.
http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/handle/10062/21075/humaniora_lingua_russica_xiv.pdf?sequence=1 (02.05.2012).

Ожегов, С. И. (1988). Словарь русского языка. Под редакцией Н. Ю. Шведовой. 20-е издание. Москва: Русский язык.

Сметанина-Болдвин, Ю. В. (2008). Социальный перевод как зарождающееся направление в коммуникативной лингвистике — проблемы и опыт. *Мир перевода*. № 2 (20).

Тимакина, О. А. (2007). *Курс лекций по дисциплине «Теория перевода»*. Тула.
http://window.edu.ru/window/library/pdf2txt?p_id=41071 (05.05.2012).

Приложение 1. Вопросы интервью

1. Каковы обязанности переводчика в том учреждении, где вы работаете?

2. Каковы права переводчика в том учреждении, где вы работаете?

- *Что вы как переводчик должны делать?*

- *Чего вы как переводчик делать не можете?*

3. В пункте 5 параграфа 161 «Уголовно-процессуального кодекса» сказано, что «в интересах достоверности перевода у переводчика есть право задавать вопросы участнику судебного разбирательства, ознакомиться с протоколом судебного заседания и делать заявления, которые будут запротоколированы».

- *Как подобный пункт осуществляется на практике?*

- *Насколько регулярно вы имеете возможность ознакомиться с материалами дела и подготовиться?*

4. Как бы вы определили свою роль во время судебного заседания?

- *Предпочитаете ли вы оставаться незаметным и ненавязчивым?*

- *Занимаете ли вы активную позицию?*

(например, позволено ли вам разъяснять терминологию заинтересованной стороне?)

5. Что вы понимаете под «беспристрастностью» и «нейтральностью» переводчика?

6. В пункте 6 параграфа 161 «Уголовно-процессуального кодекса» сказано, что «переводчик обязуется переводить всё относящееся к судебному разбирательству точно и полно».

- *Следует ли переводить буквально, слово в слово или возможна редакция текста с сохранением смысла высказывания?*

- *Имеете ли вы право сокращать ответы обвиняемого/свидетеля?*

- *От какого лица (от 1-ого или 3-его) следует переводить и в каких ситуациях?*

7. Каковы ваши действия, если вы заметили ошибку у судьи, прокурора, адвоката?

8. Каковы ваши действия, если вы ошиблись сами?

9. Следует ли вам переводить всё, сказанное обвиняемым/свидетелем, или только относящееся непосредственно к делу? (непосредственно к заданному вопросу).

- *Можете ли вы объяснить непонятный термин обвиняемому, если, по вашему мнению, термин не был им понят?*

- Можете ли вы довести до сведения суда то обстоятельство, что обвиняемый не понял сказанное или вы можете просить суд повторить/разъяснить сказанное только, если обвиняемый сам об этом заявил?

10. В каких ситуациях вы выбираете синхронный, а в каких последовательный перевод? Почему?

11. Вы когда-нибудь сталкивались с ситуацией, когда ваше обращение к суду с какой-либо просьбой было проигнорировано или неудовлетворенно? (например, просьба сделать перерыв, или вы информировали суд о том, что затруднена слышимость, в зале плохая акустика, помехи, просьба повторить сказанное, так как вы не точно расслышали/поняли сказанное и др.)

12. Как вы считаете, является ли профессия судебного переводчика самостоятельной профессией?

- Как вы считаете, следует ли специально обучать судебных переводчиков?

- На что следует обращать особое внимание при обучении?

13. В чём заключаются самые большие сложности в работе судебного переводчика?

14. Существуют ли какие-либо предписания относительно того, как вести себя во время судебного заседания? Это негласные соглашения или фиксированные правила? Если нефиксированные, то должны ли они, по Вашему мнению, быть зафиксированы или в этом нет необходимости?

Анкетные данные: опыт работы судебным переводчиком, образование. (филологическое/иное).

Курсы повышения квалификации?

Приложение 2.

Должностная инструкция переводчика Таллиннского окружного суда

Kinnitatud
Tallinna Ringkonnakohtu kohtudirektori
31.märtsi 2011.a. käskkirjaga nr 5-12/05

Tõlgi ametijuhend

1. Üldosa

- 1.1 Tõlgi nimetab ametisse ja vabastab ametist kohtudirektor.
- 1.2 Tõlk kuulub Tallinna Ringkonnakohtu kantselei koosseisu.
- 1.3 Tõlk allub Tallinna Ringkonnakohtu kantselei juhatajale.
- 1.4 Tõlk asendab kantselei juhataja korraldusel teist ajutiselt äraolevat tõlki.
- 1.5 Tõlki asendab tema äraolekul kantselei juhataja korraldusel teine tõlk.

2. Ametikoha eesmärk

Tõlk on kohtuteenistuja, kelle ülesanne on Tallinna Ringkonnakohtu ja Tallinna Halduskohtu kohtulahendite ja dokumentide tõlkimine ning tõlkimine Tallinna Ringkonnakohtu ja Tallinna Halduskohtu kohtuistungitel.

3. Teenistuskohustused

- 3.1 Tõlgib suuliselt kohtuistungitel ja kirjalikult kohtulahendeid, kohtu muid dokumente ja toimiku materjale eesti keelest vene keelde ja vene keelest eesti keelde:
 - 3.1.1 halduskohtumenetluses ja tsiviilkohtumenetluses isiku kinnisesse asutusse paigutamise ja isikule eestkostja seadmise menetluses;
 - 3.1.2 kriminaalmenetluses ja väärteomenetluses vajadusel venekeelset teksti või kui menetlusosaline ei valda eesti keelt.
- 3.2 Tõlgib nii suuliselt kui kirjalikult kõike täpselt ja täielikult.
- 3.3 Kannab kirjaliku tõlke tellimuse vastuvõtmise vastavasse registrisse.
- 3.4 Kinnitab tõlke õigsust oma allkirjaga.
- 3.5 Salvestab valmis tõlke KISi või võrgukettale ning edastab tõlke tellinud ametnikule.
- 3.6 Kontrollib jooksvalt Outlooki saabunud kutseid kohtuistungitele ja vastab Outlooki kaudu saabunud kohtukutsele.
- 3.7 Igal reedel kontrollib Outlookis oma järgmise nädala istungeid ja tutvub järgmise nädala istungite materjalidega.
- 3.8 Märgeb korralise puhkuse aja aegsasti Outlooki kalendrisse.
- 3.9 Täidab erikorralduseta ülesandeid, mis tulenevad tõlgi töö iseloomust või selle üldisest käigust.

4. Kvalifikatsiooninõuded

4.1 Kesk – või kõrgharidus.

4.2 Eesti keele oskus kõrgtasemel ja vene keele oskus kõrgtasemel.

4.3 Tööks vajalike arvutiprogrammide – Word, Internet, Outlook- kasutamise oskus kõrgtasemel.

5. Erioskused ja teadmised

5.1 Tunneb avalikku teenistust ja kohtute tööd reguleerivaid õigusakte.

5.2 Õiguskeele terminoloogia tundmine.

5.3 Tunneb vajaliku õigusharu menetlusseadustikku.

5.4 Iseseisvus ja algatusvõime tööülesannete täitmisel.

5.5 Valmisolek kolleegidega ühistööks.

6. Isikuomadused

6.1 Kohuse-ja vastutustundlikkus.

6.2 Pingetaluvus.

6.3 Tasakaalukus.

6.4 Viisakus ja hea käitumistava järgimine.

7. Kohustused

Tõlk on kohustatud:

7.1 hoidma teenistuskohustuste täitmisel talle teatavaks saanud asutusesiseseks kasutamiseks tunnistatud teavet ja ametisaladust;

7.2 kinni pidama kohtu kodukorrast, töödistsipliinist, järgima sisekorraeeskirja ja juhinduma kehtivatest õigusaktidest;

7.3 kasutama heaperemehelikult tema kasutusse antud vara;

7.4 rakendama tööks ette nähtud arvutiprogramme.

8. Vastutus

Tõlk vastutab talle pandud teenistuskohustuste õigeaegse ja täpse täitmise, talle teenistuse tõttu teatavaks saanud riigi-ja ärisaladuse, teiste inimeste perekonna-ja eraellu puutuvate andmete ning muu ainult asutusesiseseks kasutamiseks määratud informatsiooni hoidmise eest.

9. Õigused

9.1 Saada teenistusülesannete täitmiseks vajalikku informatsiooni ja dokumente kohtunikelt,

kohtu ametnikelt ning teistelt asutustelt vastavalt kehtivale korrale.

9.2 Teha kantselei juhatajale ettepanekuid oma pädevusse kuuluvas valdkonnas töö paremaks

korraldamiseks.

9.3 Saada teenistusülesannete täitmiseks vajalikku eri-, kutse- ja ametialast täiendkoolitust.

9.4 Saada teenistusülesannete täitmiseks vajalikke töövahendeid , arvuti- ja kontoritehnikat ning tehnilist abi nende kasutamisel.

EESTI KOHTUTÖLKIDE TÖÖ SPETSIIFIKA. AMBIVALENTSUS JA TÖLKIDE STRATEEGIAD

Kokkuvõte

Käesolevas magistritöös esitatud uurimus jätkab kontakttõlke (i.k. *community interpreting*) uurimist Eestis, keskendudes kohtutõlkele. Töös on lähtunud eeldusest, et kohtutõlge on kontakttõlke liik, kuigi teaduskirjanduses võib leida selle kohta vastakaid arvamusi. Osa autoreid on seisukohal, et kohtutõlge on omaette tõkeliik (Garber 1998), osa seevastu evib arvamust, et kohtutõlget võib pidada kontakttõlke alaliigiks (Mikkelson 1996, 2000; Gentile 1993, 1997; Fenton 2001). Seetõttu on töös käsitletud nii tõkeliikide klassifikatsioone kui ka terminoloogiat põhjendamaks autori seisukohtam kohtutõlke taksonoomilise kuuluvuse osas.

Eesti kohtutõlkide töö on reguleeritud mitmete seaduste ja ametijuhendiga. Samas on ametijuhendis tõlgi teenistuskohustuste kohta öeldud vaid, et „tõlk tõlgib suuliselt kohtuistungitel ja kirjalikult kohtulahendeid, kohtu muid dokumente ja toimiku materjale eesti keelest vene keelde ja vene keelest eesti keelde“ (vt Lisa 2). Kohtutõlgi kohustused ja õigused konkreetsetes tõlkeolukordades pole määratletud.

Tulenevalt eelöeldust oli käesoleva töö eesmärgiks välja selgitada, kuidas Eesti kohtutõlgid lahendavad vasturääkivusi, mis võivad tekkida vajadusest tagada kvaliteetne tõlge ja selgete käitumisjuhiste puudumise vahel ning mis moel saavutatakse tõlke kvaliteet.

Uurimustöö läbiviimiseks kasutati kahte andmete kogumise meetodit: kvalitatiivset poolstruktureeritud süvaintervjuud ja vaatlust. Uurimistöös on lähtunud peamiselt J. Cresswelli (2003) kaheksast uurimuse reliaabluse kontrolli strateegiast, mille põhimõteteks on uurimuse valiidsus ja triangulatsioon. Autor intervjueris Harju maakohtu, Tallinna halduskohtu ja Põhja Ringkonnaprokuratuuri koosseisulisi tõlke. Uurimuses osales 10 respondenti. Süvaintervjuu kasuks otsustati seetõttu, et see meetod sobib taolise uurimuse läbiviimiseks, kuivõrd on hästi ühitatav teiste uurimismeetoditega, olles paindlik ning säilitades teadusmeetodi parameetrid.

Rakendades vaatlusmeetodit viibis töö autor ühel kohtuistungil Harju maakohus ja kolmel kohtuistungil Tallinna halduskohus. Vaatlust teostati pärast respondentide intervjuerimist ning saadud tulemuste analüüsi. Taoline lähenemine andis võimaluse kontrollida intervjuude käigus saadud teavet. Lähtusime eeldusest, et vaatluse käigus kogutud andmed võivad kattuda intervjuude andmetega vaid osaliselt. Nimetatud eeldus leidis vaatluse käigus kinnitust.

Uurimistöö käigul selgus, et Harju maakohtu tõlgid, Tallinna halduskohtu tõlgid ja Põhja Ringkonnaprokuratuuri tõlgid näevad oma rolli kohtuistungil erinevalt. Pool respondentidest on seisukohal, et tõlk on “nähtamatu” keeleline vahendaja, kelle ülesandeks on sihtkeelse teksti tõlkimine lähtekeelde maksimaalse täpsusega. Teised küsitletud arvavad, et tõlk on täieõiguslik kommunikatsiooni osaleja, kes võib ületada keelelise vahendaja piire, selgitades vajadusel kliendile terminoloogiat või organisatsioonilisi küsimusi.

Tõlkide käitumisstrateegiate valik sõltub mitmetest faktorist, mille hulgas on tõlgi enesemääratlus ja arusaam oma rollist kohtuistungil, töötingimused, kohtuniku, advokaadi ja prokuröri suhtumine tõlgisse ja tema töösse ning tõlkest sõltuva isiku tagasiside. Uurimuse käigul selgus, et kohtutõlkide töö kvaliteet sõltub otseselt tõlgi töötingimustest.

Enamik küsitletutest on seisukohal, et kohtutõlk on eraldi elukutse, kuid samas ei pea eriharidust vajalikuks, rõhutades, et kohtutõlgi jaoks on olulised kogemus ning teatud isiksusomadused: stressitaluvus, oskus võita hirmu avaliku esinemise ees, tugev närvisüsteem ja andekus. Paljud respondendid rõhutasid kohtutõlgi staatuse tõstmise vajadust, mis on omakorda eelduseks töötingimuste parandamiseks ja töö kvaliteedi tõstmiseks.

Uurimisetulemuste põhjal võib järeldada, et ühtne arusaam tõlgi rollist nii kohtutõlkide endi kui ka kohtuametnike poolt on üheks tähtsaimaks tingimuseks tõlke kvaliteedi tõstmiseks, mis omakorda on kohtuprotsessi efektiivsuse tingimuseks. Käesoleva uurimuse tulemused on olulised teadvustamiseks kohtutõlkide töös esile kerkivaid

vastuolusid. Töö tulemusi võib kasutada Eesti kontakttõlke edasiseks uurimiseks ning kohtutõlkide käitumisjuhiste väljatöötamiseks.